

Пусть вечно сияют
над Родиной нашей
Мир, Труд, Май!

КОСТЁР

5 МАЯ 1979

КОСТЁР

5
МАЙ
1979

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года
© „Костёр“, 1979 г.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

●
ИСТОРИЯ
ПИОНЕРСКОГО ОТРЯДА
КРАСНОЙ ПРЕСНИ

●
Новая сказка
писателя
Радия Погодина

●
Что ты
знаешь
о ГДР?

●
Встреча в селе Углянец
с ветеранами войны

●
СКОЛЬКО СТОИТ
ОДИН МЕТР
КАНАЛА

На обложке рисунок «Завтра праздник»
Юли Агароновой, 14 лет.

ВАЖНОЕ

Вот как это было. Сережа сидел за письменным столом и делал уроки. Это так считается, если Сережа за столом сидит, значит уроки делает, на самом же деле Сережа думал. А подумать было над чем. «Как ты будешь жить! — сказала вчера мама. — Я просто не представляю себе!» И конечно, она права. Сергей и сам понимает, что живет как-то не так. Он уже в четвертом классе, но еще, как говорит мама, не определился и, как говорит папа, не имеет стержня...

— Кто я такой? — спросил себя Сергей и ответил полным ответом: — Я ученик четвертого класса.

— Почему я не такой? — задал он себе другой вопрос, но ответа не нашел и тут же задал следующий.

— Чего я хочу? — и тут он совсем растерялся. Потому

ПОРУЧЕНИЕ

РАССКАЗ

Галина МАЛИКОВА

что, во-первых, он хотел похудеть, а во-вторых, — велосипед. Вернее, во-первых, велосипед, потому что если у него велосипед будет, то тогда уж он наверняка похудеет и станет таким же тощим, как Витька Шитиков, и тогда... в общем, тогда многое в его жизни изменится...

Однако для серьезных размышлений о жизни эти желания были явно несерьезны, поэтому Сергей размышлять перестал и перешел к выводам. А вывод был один: необходимо круто изменить свою жизнь. Крутую перемену в жизни Сергей назначил на понедельник. До поне-

дельник оставалось еще четыре дня, и Сергей решил заняться текущими делами: нужно было сделать уроки, потому что было предчувствие, что завтра непременно вызовут, а поскольку предчувствие не подсказывало, по какому именно предмету спросят, то нужно было приготовить все уроки. А это вам не что-нибудь.

* * *

В понедельник, когда прозвенел звонок на большую перемену, Сергей быстро вышел из класса и пошел по коридору. Он не знал,

куда шел, но чувствовал, что настала решительная минута в его жизни. Он дошагал до конца коридора и затормозил перед дверью с табличкой: «Школьный музей». Сергей дернул ручку в надежде, что дверь заперта, но дверь отворилась, и ему ничего не оставалось, как войти.

В музее за низеньким столом сидели девчонки из шестого класса и Наталия Владимировна, учительница истории. На столе были разложены какие-то бумаги. Наталия Владимировна что-то читала девчонкам, а те внимательно слушали. В общем, можно было спокойно выйти и вернуться в класс, но Сергей понимал — пришло наконец время действовать. Он подошел к столу, кашлянул и громко сказал:

— Добрый день, — сказал он. — Меня зовут Сергей Заволодский.

Все подняли головы и стали смотреть на него. И надо было еще что-то говорить, а Сергей не знал что.

Девчонки захихикали. Сергею это не понравилось, и он, приложив руку к груди, как делает Витька Шитиков, когда читает стихи, сказал: «Я... я... я...»

Девчонки захохотали.

Это было ужасно. Девчонки хохотали. И Наталия Владимировна тоже смеялась. Наконец она успокоилась и сказала:

— Девочки, перестаньте. Сядь, Сережа. Мы поговорим с тобой после, сейчас я должна дать следопытам задание.

Девчонки изобразили внимание и уткнулись в бумаги.

* * *

— Чего же ты хочешь? — спросила Наталия Владимировна, когда девчонки ушли.

— Наталья Владимировна, — сказал Сергей честно, — я не знаю, чего я хочу, но я знаю, что я должен хотеть. Вот. И потом, разве может быть, чтобы у человека в четвертом классе не было стержня?! Разве это порядок?! — Он посмотрел на Наталию Владимировну так, словно она лично допускала этот беспорядок и непосредственно виновна в том, что у Сергея Заволодского нет стержня.

— Да, — сказала Наталия Владимировна. — Это важно. Я понимаю. Нужно доказать. Важно и нужно.

— Да, — сказал Сережа.

— Нужно серьезное дело, — сказала Наталия Владимировна. Она барабанила по столу тонкими пальчиками с капельками маникюра на ногтях и смотрела в окно.

— Слушай, — сказала она наконец. — Была война.

— Была, — кивнул головой Сережа.

— Прошло столько лет. Что-то стало забываться. Но живут ветераны. Они помнят. Понимаешь?

— Понимаю.

— Каждый из них рисковал жизнью. И надо,

чтобы ни один солдат не был забыт. Кто это делает? Это делаем мы. Во-первых, объявляем поиск. Находим документы, военные реликвии. Во-вторых, записываем рассказы ветеранов, ведем переписку и даже устанавливаем имена погибших героев. В общем — создаем школьный музей. Следопыты! Поиск! — сказала Наталия Владимировна и откинулась на спинку стула.

— Я готов, — сказал Сережа и встал.

— Сядь, — сказала Наталия Владимировна. — Это трудно. У нас часто так бывает: придут несколько раз, а потом уходят совсем.

— Это у кого нет стержня?

— Не обязательно. Бывает, просто дело не по душе.

— А как узнать?

— Попробовать.

— Я готов, — сказал Сережа и встал.

— Сядь! — сказала Наталия Владимировна. — Нет, встань, потому что тебе пора на урок. Встретимся завтра после занятий.

* * *

Все было не так, как рассказывала потом мама. Вернее, было все так, только не струсил он. Просто ветеран совсем не был похож на ветерана. И потому Сергей стоял и молчал. И мама молчала.

Мама молчала из принципа. Она всю дорогу повторяла. «Учти, — повторяла мама, — я тебя провожаю, потому что далеко, а с ветераном разговаривать будешь сам».

И вот Сережа молчал и мама молчала и дергала его за рукав. А он никак не мог сказать то, что собирался сказать.

Дверь им открыл пожилой человек, маленький, худой, с острым лицом. На нем был старый тренировочный костюм, измазанный краской, а в руках он держал большую кисть.

Разве мог подумать Сережа, что это и есть Александр Иванович Лепехин. Солдат Лепехин, который прошел всю войну, имел четыре награды и три ранения, которого следопыты разыскивали, которого наконец нашли, и к которому он пришел, чтобы рассказать о том, что они его нашли и что в школьном музее будет висеть его фотография. И Сергей сказал:

— Вы художник?

— Я? — удивился Лепехин, потом поглядел на заляпанный тренировочный костюм, на большую кисть, которую он держал, высоко подняв вверх, и сказал: — Вот уж нет. Просто я ремонт затеял. — Он посмотрел на Сережу и вдруг жалобно крикнул: — Маша! Ну иди же сюда. Тут пришли.

— Сейчас, — откликнулась невидимая Маша. А Лепехин, успокоившись, сказал: — Просто я все люблю своими руками делать.

— Мы тоже ремонт всегда сами делаем, — сказала мама и подтолкнула Сережу.

— Меня зовут Сергей Заволодский, — сказал Сергей и ужаснулся, потому что неожидан-

но для себя протянул пожилому человеку руку и спросил: — Как ваше здоровье?

— Здоровье у него ничего, — сказала неизвестно откуда возникшая маленькая, круглая старушка и представилась: — Мария Петровна.

Их провели в комнату и усадили на диван. Александр Иванович скинул со стула обрывки обоев и сел напротив. Он посмотрел на кисть, которую все еще держал в руке, и отдал Марии Петровне.

— Уважаемый Александр Иванович, — начал Сережа, — мы пришли по поручению

на досуге. Маша! — крикнул он. — Покажи товарищам рисунки.

— Сейчас!

Рисунки разложили на большом круглом столе. Их было много, и на всех была война. На каждом рисунке были проставлены две даты: одна, когда рисунок был сделан, а другая, когда событие происходило.

Все склонились над столом, и Александр Иванович начал рассказывать. Голос у него был тихим. Он говорил вроде даже не для мамы с Сережей, а для кого-то другого, кого

Рисунки А. Ежелина и Н. Котляревского

школьного музея. Александр Иванович, — Сережа встал, — Вы героически сражались за Родину, и ваш портрет займет достойное место в нашем музее.

— Маша, согрей-ка нам чайку, — сказал Александр Иванович. — Продолжайте, пожалуйста, — обратился он к Сереже.

— Может быть, у вас есть какие-нибудь материалы: фотографии, письма, дневники?

— Материалы? Да, конечно. Да, что-нибудь постараясь. Маша, — крикнул он, — товарищам материалы нужны!

— Сейчас, — крикнула Мария Петровна из кухни.

— Вы так неожиданно, а у нас ремонт, — виновато сказал Александр Иванович маме.

— У вас очень симпатичные обои, — сказала мама.

— Да? — обрадовался Александр Иванович. — Сам выбирал! Вот Сережа сказал, что я художник. Отчасти он прав. Я иногда рисую

в комнате не было, и это было так странно, что Сережа потихоньку несколько раз оглянулся. А потом Александр Иванович замолчал, и все почему-то молчали. Мария Петровна, сложив руки на груди, смотрела не отрываясь на рисунки. Мама опустила глаза, и лицо ее сделалось маленьким и строгим. А Александр Иванович глядел в незашторенное окно, и ему было видно небо, очень светлое, и крыши, потому что жили Лепехины на последнем этаже, а дом у них был самым высоким в микрорайоне.

— Это у меня вроде как лекарство от войны... Никак не могу забыть. Снится. А нарисую — и легче становится. Вот посмотри, — сказал он уже своим обычным голосом и протянул Сереже рисунок.

...Море штормило. Маленькие торпедные катера бесстрашно мчались вперед. Впереди враг. Позади остров. На острове маяк. Рядом с маяком дом...

— Там наши? — спросил Сережа и показал на дом и на маяк.

— Да, там госпиталь.

— А Вы здесь? — Сережа показал на катер.

— Нет, я там, — сказал Александр Иванович и показал на дом у маяка.

— И я там, — сказала Мария Петровна. — Саша раненый, а я — медсестра. Больной Лепехин! Доктор не разрешил вам подниматься! — строго сказала вдруг Мария Петровна, посмотрела на Александра Ивановича, а потом засмеялась. Александр Иванович тоже засмеялся и мама засмеялась, только Сережа не смеялся, он представлял: в школьном музее на видном месте макет — море, торпедные катера, вдалеке остров, на острове маяк, а рядом с ним дом.

— А можно сделать макет? — спросил Сережа.

— Конечно, — сказал Александр Иванович. — Макет можно. Я тебе еще что-то покажу.

Он встал, подошел к комоду и тотчас вернулся. В руках у него был будильник.

Будильник был большой, круглый, с толстыми стрелками. Александр Иванович осторожно завел ход, поставил будильник на стол, отстранился, словно любуясь, и радостно сказал, подняв указательный палец: «Ходит! Ни разу не ломался!».

Все стали слушать будильник. Он действительно стучал.

— Ну что, Маша, подарим пионерам нашу реликвию?

— Подарим, — вздохнула Маша.

Сергей обомлел. Он представил, как придет в музей, как Наталия Владимировна спросит.

«Ну, Заволодский, — спросит Наталия Владимировна, — принес реликвии?».

И Сережа протянет будильник.

«Нет, — скажет Наталия Владимировна, — несерьезный ты человек, Заволодский. Какая же реликвия — будильник? Придется тебе заняться чем-нибудь другим...»

— Может, вы подарите фотографии? — попросил Сережа и опустил глаза.

— Ты бы рассказал человеку в чем дело, — сказала Мария Петровна.

* * *

— Так нельзя, — говорила мама, ставя перед Сережей тарелку. — Ты не знаешь меры! Это же пожилые люди! Им нужен покой, а ты каждый вечер там пропадаешь!

— Да, это, наверное, не совсем удобно, — сказал папа и осторожно, стараясь не шуршать, развернул газету.

— Положи газету! — сказала мама. — Говоришь, говоришь, и все впустую.

— Музей, это прекрасно, — продолжала она, — это очень хорошо, это, может быть, даже замечательно. Но уроки?! Я не вижу, когда ты делаешь уроки!

— Я делаю, — сказал Сережа и засунул котлету в рот.

— Он делает, — сказал папа и потихоньку придвинул к себе газету.

— Вот именно, — сказала мама.

Папа вздохнул и положил газету подальше, на холодильник.

— Уроки он делает, — сказал папа. — Это факт. Я свидетель...

— Допускаю, — сказала мама. — Но почему в дневнике появились тройки и даже двойка! Дело пахло серьезным разговором, и Сережа срочно набил рот картошкой.

— Почему так получается? — спросила мама.

— Мн-н-зз-ю — промычал Сережа.

— А я знаю! — сказала мама. Она встала, налила всем компоту, села и посмотрела на папу. — Знаю, — повторила мама. — Потому что у нашего сына нет стержня! Он не может планомерно трудиться.

— Я думаю, он еще просто не определился, — сказал папа.

— Ну вот что, — сказала мама, — я заявляю официально, если в дневнике будут тройки, с ветераном придется расстаться.

— Я не могу расстаться, — сказал Сережа.

— А я не могу допустить, чтобы мой сын был троечником. Я сама позвоню Александру Ивановичу и все ему объясню. Он поймет.

— Мама! — крикнул Сережа.

— Мама права, — вздохнул папа, — придется, брат, тебе подчиниться.

* * *

— Тоже мне, следопыт! Мама его не пускает! Уроки выучить не может! Растяпа. Через месяц праздник, а где макет? Макет где, я тебя спрашиваю?! — возмущалась Ирка Погоняева.

— Макета нет. Пока... — оправдывался Сергей.

— Вот и я говорю, что нет. А скоро праздник. Ты хочешь, чтобы макета вовсе не было!

— Макет будет.

— Как это он, интересно, будет, если тебя мама к ветерану не пускает. У, следопыт несчастный. Идем к Наталье Владимировне. — Ирка схватила Сережку за руку и потащила по коридору.

— Отстань от меня, — закричал Сергей. — Я к тебе посоветоваться, как к человеку пришел, а ты!

— А я хочу, чтобы к празднику все было сделано, как придумали. Что придумали, то сделали! Вот так! И наплевать на тебя, если ты уроки выучить не можешь. Наталия Владимировна твоего ветерана кому-нибудь другому поручит.

— Как другому? — спросил Сережа. — Как это другому? Мой ветеран!

— Был твой, — сказала Ирка, — а теперь Наталия Владимировна решит, чей он будет. Что уперся как баран?

— А ты кто такая, чтобы распоряжаться! Ты что, директор музея? Отстань от меня, я тебе говорю! Без тебя знаю, что делать.

Сам пойду. — Сергей выдернул руку и побежал по коридору. Он знал, что Ирка обязательно за ним побежит, и помчался что есть духу.

Он ворвался в музей и закричал: «Нельзя отдавать! Я подтянусь! Мы успеем!». За ним ворвалась Ирка и закричала еще громче: «Он подведет! Скоро праздник! Макет!».

«Наталия Владимировна!» — крикнули они в один голос.

— Тихо! — сказала Наталия Владимировна и подняла руки, словно дирижер перед началом концерта. — Тихо, тихо, тихо, давайте по порядку. Давай, Заволодский.

— Да-а, — сказала Наталия Владимировна после того как Сергей все рассказал. — Ну, а теперь ты, Ира, поделись с нами своими соображениями.

Ирка стала делиться.

— Ну-у, — сказала Наталия Владимировна и развела руками. Потом она помолчала и сказала так: — До праздника сколько осталось? Месяц? Сколько у тебя двоек, Заволодский? Одна. Так. А троек? Две. Так... Сколько тебе нужно времени, чтобы исправить отметки? Неделю? А справишься? Ну смотри. В общем так: если через неделю ты не справишь свои отметки, значит макет будет делать... Мы решим тогда, кто будет делать. Идите.

Сергей пошел первым и у дверей показал Ирке язык.

— Заволодский! — сказала Наталия Владимировна, но Сергей уже закрыл дверь.

* * *

Город украсили флагами.

Александр Иванович и Сережа шли по улице, где цвела сирень, где мальчишки гоняли на велосипедах, а девчонки рисовали «классы». Александр Иванович был в парадном костюме, и прохожие, наверное, думали: вот ветеран в праздничный день вышел погулять с внуком.

В музее они тоже стояли рядом.

— Посмотрите, пожалуйста, сюда, — говорила Ирка, и голос у нее был громкий, как у настоящего экскурсовода. — Эти реликвии передал музею Александр Иванович Лепехин. Он же помог ребятам сделать макет. Посмотрите, какой необычный экспонат — будильник! Я расскажу вам его историю.

...Бои были очень трудные. В госпитале было много раненых, и медсестры очень уставали. Спали они по очереди, по несколько часов в сутки. Некоторые спали сидя, чтобы легче было просыпаться. А просыпаться было так трудно, что иногда ждет дежурная сестра смены, а смена не идет — проспала, оказывается. Бойцы жалели сестричек, а помочь ничем не могли. И тогда они подарили сестричкам будильник. Где они нашли его — неизвестно, но с тех пор и до самого конца войны он поднимал медсестер на дежурство.

— Ну вот, — сказал Александр Иванович и больше ничего говорить не стал.

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ПИЛОТ

Взлетает грозная машина
В голубизны немой простор.
И под крылом плывет долина,
Темнеет, чуть синяя, бор.

Как птица, в небо улетаю,
Летит сверкая самолет
И, плавно скорость набирая,
Он с шумом режет небосвод.

Когда шасси земли коснется,
Когда закончится полет,
Пилот ромашкам улыбнется
И рапорт отдавать пойдет.

Сергей Иванов,
6-й класс,
ст. Горочичи,
Гомельская область
Рисунок П. Кузнецова

БАРАБАН

19 МАЯ - ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

Сергей Шишляков, секретарь комсомольской организации 138-й школы Ленинграда, всегда в окружении ребят. Умеет доказывать собственное мнение, именно доказывать, а не навязывать, за что пользуется уважением ребят.

Учится хорошо, дисциплинирован, отличный спортсмен, любит и волейбол, и легкую атлетику, и борьбу.

Сергея Шишлякова недавно наградили Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ и значком к 60-летию ВЛКСМ. Это стало радостью для всей школы.

— Не сразу получился из меня пионерский активист. Когда выбрали председателем

по изучению его жизни и деятельности. В школе есть музей Лаза. Ребята сами проводят

КАЖДЫЙ ГОД В МАЕ ПИОНЕРСКИЕ ДРУЖИНЫ СТРАНЫ ПОДВОДЯТ ИТОГИ УЧЕБНОГО ГОДА. ПОЧЕТНУЮ ЛЕНТУ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ПРИКРЕПЛЯЮТ К ЗНАМЕНАМ ДРУЖИН, ДОБИВШИХСЯ ЗВАНИЯ ПРАВОФЛАНГОВЫХ.

Успешно идет Всесоюзный марш пионерских отрядов под девизом: «Пионеры всей страны делу Ленина верны!».

Многие юные ленинцы в школах Ленинграда и области закончили первое полугодие учебного года только на четыре и пять.

Продолжается операция «Миллион — Родине!»: собраны тысячи тонн макулатуры, а для поездов БАМа — тысячи тонн металлолома.

" БАРАБАН " ПОЗДРАВЛЯЕТ САМЫХ АКТИВНЫХ НА МАРШЕ!

Моя Родина -
СССР

На месте нашей Эжвы когда-то был маленький рабочий поселок. Теперь наш город знают во всей республике Коми. У нас есть огромное предприятие бумажной промышленности — лесопромышленный комплекс — ЛПК.

Восемь школ в нашем городе. Пионеры всех школ дружат с комсомольцами ЛПК. Это для нас большая честь: ведь ЛПК является Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Здесь работают замечательные люди!

Таня Хатыудиева,
8-й класс, школа № 23,
город Эжва
Коми АССР

Во время каникул мы совершили поход по родному краю. Было очень интересно! Ведь нашими земляками были художники А. Г. Венецианов, Г. В. Сорока, И. И. Левитан.

К походу готовились заранее, но не только читали книги об этих ху-

совета дружины, честно говоря, работа долго не ладилась. Помогла пионервожатая — Елена Петровна Синельщикова. Она воспитывала во мне такие важные черты характера, как выдержка, настойчивость, доброжелательность.

Помню, как однажды сорвался в отряде сбор. Что делать? Посоветовался с пионервожатой. «Сначала внимательно послушай товарищей, — сказала Елена Петровна. — Найдите вместе причину неудачи». С тех пор всегда тщательно анализирую любую ситуацию, не тороплюсь принимать решение, остерегаюсь поспешных выводов...

Пионерская дружина 138-й школы носит имя Сергея Лазо. Совет дружины ведет работу

экскурсии, встречают гостей — взрослых и своих сверстников. Дорогой гость школы — дочь героя — Ада Сергеевна Лазо. ...Полгода назад меня послали на Республиканский слет школ, посвященный Лазо. Слет проходил в Молдавии, на родине героя. Присутствовал я и на открытии памятника Лазо в Кишиневе. Побывал в Лазовске, где родился герой гражданской войны. Каждая новая деталь из жизни Лазо дорога ребятам: старался все запомнить, привез целую тетрадь записей.

НА ДЕМОНСТРАЦИИ

Рисунок Тани Масловой, Ульяновск

Выступает пионерский ансамбль „Тачанка“ Циплинской средней школы Татарской АССР

А любимому учителю

Мне нравятся очень учитель один.

Всегда он веселым бывает.

Ребята с ним дружат,

как со своим,

И очень его уважают,

И молот он сердцем,

Смеется и шутит он с нами.

Случись что-нибудь,

Он всегда нам поможет.

Утешит, поддержит, поймет.

И ум свой, и душу в нас

вложит,

На истинный путь

наведет.

Дима Барабаш,

город Монино

Московской области

дожниках, а и учились ориентироваться на местности, управляться с палаткой.

Нам очень повезло. В селе Дубровское местный краевед Алексей Васильевич Васильев показал нам картины художника Венецианова. Они хранятся в сельском клубе. И очень много нового рассказал этот человек о наших великих земляках.

Света Гуляева,

Масловская средняя школа

Калининской области

Во время похода по Нечерноземью в селе Велемужье Калининской области

Наш отряд получил звание пра-вофлангового. Вместе с нашей вожатой Лидией Сергеевной Модестовой мы очень радовались. Лидия Сергеевна пришла к нам еще в четвертом классе, а сейчас мы в восьмом.

Многие из нас сейчас сами стали отрядными вожатыми, но без Лидии Сергеевны ни одно дело не обходится.

Спасибо вожатой, у нас самый дружный класс в школе!

Пионеры и комсомольцы

8-го класса школы № 372

Ленинграда

Моя Родина- СССР

СОБИРАЮТ ЧАЙНЫЙ ЛИСТ

Рисунок Тамары Конджария, 12 лет,
город Батуми

Мы всегда отмечаем Дни дружбы. Это праздник, который проводим вместе с болгарскими школьниками.

В трех поселках — Междуреченске, Благоево и Усогорске — бок о бок с нашими лесорубами живут и трудятся граждане Болгарской Народной Республики. Есть договор между нашей страной и республикой Болгарией о заготовке леса для целлюлозной промышленности НРБ.

В ТАТРАХ С ПОЛЬСКИМИ ХАРЦЕРАМИ

Прошлым летом мне посчастливилось путешествовать с харцерами из города Белостока по Татрам.

Свой поход мы начали в Пенинах. Наш маршрут проходил через Закопане и горное озеро «Морское око».

На тропах, лесных и горных, друзья учили меня харцерским песням — веселым, задорным, как и у нас, или задумчивым, певучим. Польские ребята, даже маленькие дети, знают много наших песен, а песню «Пусть всегда будет солнце!» поют все — и взрослые и дети.

Харцеров очень интересовала наша пионерская и школьная жизнь. По некоторым вопросам мы спорили, но никогда не обижались друг на друга.

Мне очень понравились ритуалы харцеров, их форма цвета хаки, знамена, которые надо заслужить. Если ты, например, видишь мальчика или девочку с отличиями «пшеводника», то это значит, ты встретил человека, который проведет тебя по ориентирам в лесу и сумеет в любых условиях разжечь костер, приготовить еду. Это значит, что ему можно довериться.

По пути из Закопане в Краков мы посетили Поронино, где перед на-

чалом первой мировой войны жил Владимир Ильич Ленин.

Красивый деревянный дом-музей... Здесь все напоминает о пребывании Владимира Ильича — его рабочий стол, полка с книгами.

В музее В. И. Ленина в Поронино всегда много посетителей. Сюда приходят харцеры и крестьяне, приезжают сталевары и шахтеры. А вокруг горы, леса. Журчит быстрая река...

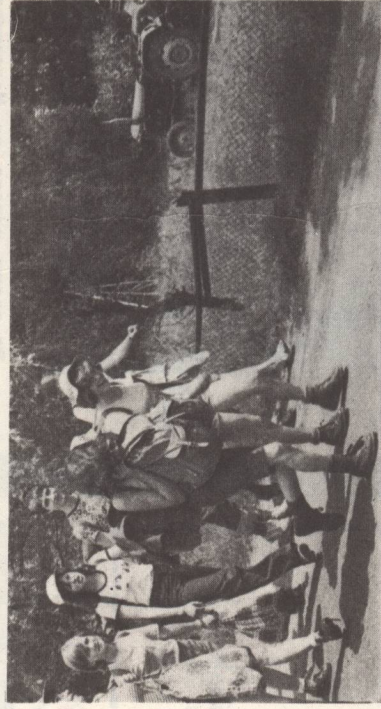
В Закопане мальчик-гураль, узнав от моих друзей, что я — ленинградка, подошел ко мне и подарил на память резную дощечку, изделие местных мастеров: «Напиши мне из Ленинграда», — попросил он и улыбнулся.

Заветная страничка

Наш поход закончился у стен древнего Кракова, одного из самых красивых городов мира.

Я узнала, что журнал «Костер» получают и читают в Польше, и хочу передать польским харцерам привет от моих школьных друзей, которым я часто рассказываю о своей поездке.

Марина Черкашина,
школа № 232,
Ленинград

Во время похода в Татры

МИР

Мир — это то, чего хочет каждый, То, о чем мечтают.

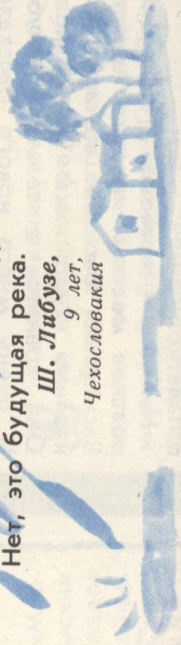
Слово — дорогое всем. Всего три буквы, А они значат так много!

Маниша Марваха,
9 лет,
Индия

ДОЖДЬ

Что там стучит по подоконнику?
Что бежит белыми каплями
И собирается в ручейки?
Вы думаете — это дождь?
Нет, это будущая река.

Ш. Либузе,
9 лет,
Чехословакия

Болгарские пионеры — дети этих лесорубов — дружат с нами. Они интересуются историей нашего края, охотно изучают русский язык. Дни дружбы всегда проходят празднично и весело!

Ира Орлова,
президент КИДа
«Северный олень».
Сыктывкар

У нас село небольшое и от крупных городов в стороне: до Оренбурга, например, почти сто тридцать километров. Но не только мне оно нравится больше всего на свете. Спросите любого моего земляка: наверно, ответит так же!

Где я ни была, как бы там ни было красиво, мое село мне всего милее. У нас речка — тоже Илек — летом теплая-прегретая, а в лесу столько грибов и ягод, что всего не собрать!

К нам приезжают туристы отосуду, и всем по душе свежий воздух, лес и река.

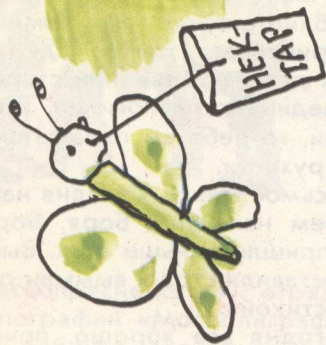
Галя Дзюба,
село Илек,
Оренбургская область

Олдавские пионеры радушно принимают своих гостей — пионеров из Грузии

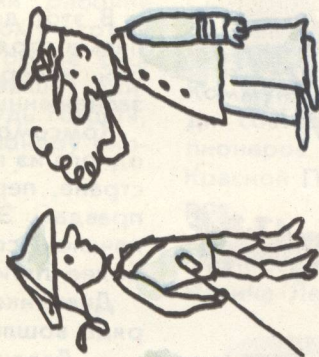

Бабадашки

Учительница: бабочка-капустница?
— Чем питается?
Ученица: — Высасывает нектар из листьев капусты.

Таяя Просвирина,
совхоз «Кремлевский»,
Новосибирская область

Учительница: Ка-...
— Назовите героев повести «Капитанская дочка».
Ученики: Татаринов!
— Капитан Витя Грецкий, Ставрополь

Учитель: Какие бывают дополнения?
Ученики: Прямые и косые...
Светла Колесникова,
Краснодарский край

Учитель: — К какому отряду насекомых относятся тараканы?
Ученица: — К домашним животным.

Лена Долгина,
поселок Коряжма,
Архангельская область

— Мама! Ты завела гурдильник?
Света Костина,
Барнаул

ЧАСОВЫЕ КРАСНОЙ ПРЕСНИ

ИЗ ИСТОРИИ
ПИОНЕРСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ

13 февраля 1922 года. По заснеженной Садовой бежит мальчишка. Красные замерзшие руки выглядывают из коротких рукавов пальто, прохуdivшиеся ботинки греют мало. Мальчишка бежит вприпрыжку, торопится.

А вот и дом № 23 — бывшая типография Машистова. В цехе собралось человек семьдесят — ребята из фабрично-заводского ученичества. На возвышение из ящиков и бочек взобрался юноша лет девятнадцати. Стянул с головы буденовку, тряхнул черной кудрявой гривой и заговорил энергично, чеканя каждое слово. Говорил он о завоеваниях революции, о комсомоле и о том, какие задачи ставит комсомол перед ними, ребятами, сидящими в зале.

Михаил Стремяков,
вожатый первого отряда

Это был Миша Стремяков. Он пришел сюда по поручению райкома комсомола, чтобы создать из учеников фабзауча пионерский отряд.

Ребята чутко ловили каждое слово. А когда он кончил говорить, засыпали вопросами:

— В отряде можно курить?

— Как быть, если родители не разрешают вступать в отряд?

— Что делать, если бабка силком посылает в церковь?

В этот день пятьдесят два человека записались в отряд. С собрания вышли веселой гурьбой. «Вперед заре навстречу...» — летело над заснеженными московскими улицами.

Комсомолец Миша Стремяков — вожатый одного из первых пионерских отрядов в нашей стране, первый редактор газеты «Пионерская правда». Это он написал книгу «Пионерское начало», со времени ее издания прошло уже более пятидесяти лет.

Дневниковые записи пионеров первого отряда вошли в эту книжку.

«...Двадцать первое февраля 1922 года. Сегодня на сборе присутствовало семь человек. Сбор начался в пять часов. Ребята принесли книги для будущей библиотеки и выбрали библиотекарем Гену Шмелева. Сейчас ребят привлекает только одно — игры, и если начать дело с серьезной стороны, т. е. с первой медицинской помощи, гигиены или топографии, то ребятам покажется это скучным, и дело рухнет».

«Восьмое марта. Сегодня народу было больше, чем накануне. Боря, Боря № 2, Гена и Вася пришли раньше всех. Выбрали звеньевое. Поставили стол и вымыли окна. Занимались гимнастикой».

«Сегодня все хорошо, пришли все, кроме Васи Семенова. Разучивали песню „Будь готов!“»

Так жил, становился на ноги отряд...

На третий сбор Миша пришел с большим свертком. Развернули его — красный ситец.

— Для всего отряда хватит на галстуки! — обрадованно сказал вожатый и, помолчав, добавил: — Пионерский галстук надо уважать, он — символ революции и пылкого сердца революционера...

Галстуки тогда делались в виде четырехугольника, который складывался в треугольник и завязывался на шее узлом.

В день пятой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции рабочие 16-й типографии вручили пионерскому отряду Красное знамя. На одной его стороне был изображен пионерский значок и вышит призыв: «К борьбе за рабочее дело будь готов!», а на оборотной стороне слова: «Пионеру пио-

неров 1-му Краснопресненскому отряду от рабочих 16-й типографии «Мосполиграф».

Вручая знамя, рабочие дали пионерам наказ: помогать молодой республике в борьбе с капиталом, беречь материальные ценности страны, быть трудолюбивыми.

Вместе со взрослыми пионеры работали на воскресниках, восстанавливали разрушенное народное хозяйство, разгружали вагоны с дровами, баржи с капустой, собирали средства для голодающих Поволжья...

К первой годовщине своего отряда ребята подготовили выпуск журнала, который назвали «Барабан». Ведь многие пионеры этого отряда были учениками наборщиков. Первый номер «Барабана» вышел в апреле 1923 года как орган Московского и Краснопресненского бюро юных пионеров.

Пионеры сами писали заметки и статьи для нового журнала, сами распространяли его по отрядам в Москве, почтой посылали в другие города.

Однажды на сбор Краснопресненской дружины приехала Надежда Константиновна Крупская. Владимир Ильич болел после тяжелого ранения. И первым вопросом ребят было: «Как здоровье Ильича?». Надежда Константиновна порадовала ребят: «Поправляется Владимир Ильич».

Сразу же после встречи с Крупской пионеры решили написать письмо Владимиру Ильичу. Письмо, подписанное всем отрядом, повезла Ленину специальная делегация. В Кремль приехали Вася Воробьев, Женя Волхонский, Наташа Гаврилова и Женя Крекшин. Встретиться с Лениным ребятам не пришлось: Владимир Ильич отдыхал в Горках. А письмо первых пионеров все-таки Владимир Ильич получил.

Об этом узнали лишь после смерти Ленина. Сейчас это письмо хранится в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

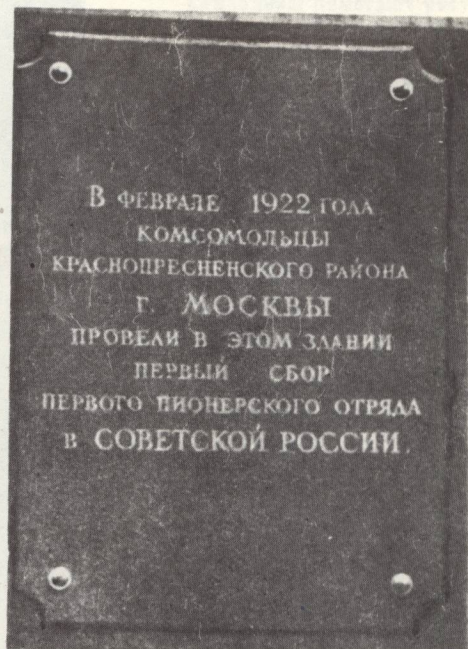
23 мая 1924 года в день открытия съезда Коммунистической партии на Красной площади состоялся первый общегородской парад пионеров. В колонне пионерской дружины Красной Пресни шло 25 отрядов, 7500 пионеров.

На этом параде ребята узнали о присвоении пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина.

* * *

Более пятидесяти лет прошло с той далекой поры. Ребята с Красной Пресни возводили домны и плотины, строили города, прокладывали каналы в пустыне. Имена краснопресненских мальчишек и девчонок — Кости Самсонова, Наташи Качуевской, Юры Крылова, Тани Стремяковой вошли в героическую летопись Великой Отечественной войны.

Много добрых дел на счету сегодняшних краснопресненских пионеров, вот поэтому и решили рабочие типографии № 16 восстановить Красное знамя, которое более полувека назад было вручено первому пионерскому отряду.

Мемориальная доска
на здании типографии

В художественных мастерских Трехгорки выполнена точная копия знамени с пионерским значком тех лет, с призывом «К борьбе за рабочее дело будь готов!» и словами «Пионеру пионеров».

Красное знамя рабочих торжественно передано продолжателям славных пионерских традиций Краснопресненского отряда.

В. МИНАЕВА
Рисунки А. Януса

Государственный флаг
Германской Демократической Республики

Что ты знаешь о ГДР?

У наших друзей из Германской Демократической Республики скоро большой праздник — 7 октября этого года исполнится 30 лет первому социалистическому немецкому государству.

На праздники добрые друзья всегда ходят друг к другу в гости. Давайте и мы совершим заочное путешествие по ГДР. Маршрут проложат ваши письма, которые вы пришлете на конкурс-викторину «Лучший вопрос о ГДР».

Первые вопросы уже пришли к нам в редакцию:

— Говорят, есть в Берлине остров, на котором много музеев. Что это за остров?

— Где родился Эрнст Тельман?

— Какого цвета галстуки у немецких пионеров?

— Когда была создана пионерская организация имени Тельмана?

— Кто первый перевел на немецкий язык стихи Маяковского?

Многие из вас, ребята, изучают немецкий язык в школе и хорошо знают его, читают книги на немецком языке. Кто-то из вас переписывается с пионерами-тельмановцами, бывал в ГДР, отдыхал с немецкими друзьями в пионерских лагерях.

Напишите нам о своей дружбе с немецкими пионерами, расскажите о работе вашего школьного Клуба интернацио-

К 30-ЛЕТИЮ ГЕРМАНСКОЙ

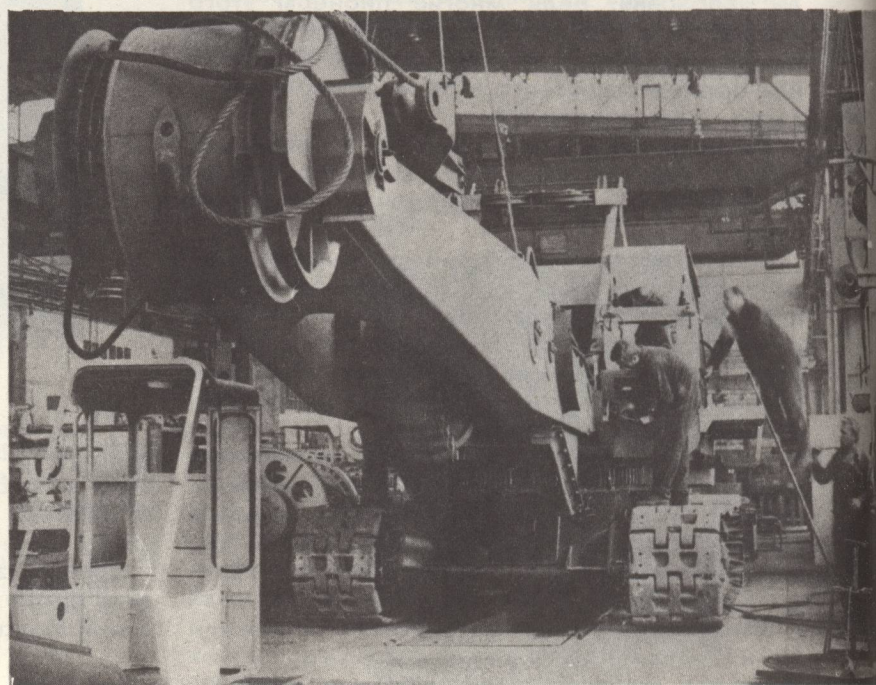

Юная скрипачка

Металлические грифоны после реставрации едут на свое постоянное место у театра

Рабочие ГДР делают экскаваторы для Советского Союза

Государственный
герб ГДР

Рудольф Гацке
из Берлина
принимал
участие
в революционных
событиях
в России,
был бойцом
Красной
Армии

Значок пионера-
тельмановца

нальной дружбы. Свои вопросы о жизни ГДР присылайте в редакцию «Костра». Наши друзья: журналисты, ученые, ваши сверстники из ГДР — ответят на них.

Авторы интересных писем и вопросов получают призы журнала «Костер» и пионерского журнала ГДР «Фрëзи».

Редакция ждет ваши письма и вопросы на конкурс-викторину «Лучший вопрос о ГДР» до 1 июля.

Скалолазы помогают реставрировать
старинное здание

Рыболовные суда ГДР на промысле в Северной Атлантике

НА ЦЕЛИННЫХ ВЕТРАХ

Галина ЧЕРНОГОЛОВИНА

ПОВЕСТЬ

Рисунки Ю. ШАБАНОВА

КУРЛЫШКА — ЭЛЕКТРИК

На большой перемене многие ребята просили Дашины фломастеры порисовать. Только Айдос сидел хмурый и ни на что не обращал внимания.

Галя приказала Даше и Сауле: «С Тарасом и Айдосом не разговаривать, понятно?».

Неожиданно для себя Даша вдруг нарушила этот запрет.

— Хочешь порисовать? — спросила она Айдоса и протянула фломастеры. Айдос удивленно поднял на нее глаза.

— Что он там нарисует! — не выдержала Галя. — Дай сюда, я розочку не закончила.

— Что-нибудь нарисую, — сказал Айдос и взял фломастеры.

Минут через пять на бумаге, разметав огненную гриву, раздувая ноздри, летел сказочный конь. Копыта едва касались зеленой травы, а трава гнулась и трепетала, словно от сильного ветра.

— Можно, я этого коня себе возьму? — спросила Даша.

Айдос пожал плечами:

— Бери, конечно.

Прозвенел звонок, и Даша села на место. Галя сразу отвернулась от нее.

— Как поживает ваш журавль, Даша? — неожиданно спросила на уроке Анна Матвеевна.

— Поправляется помаленьку.

— Вот и хорошо. Скоро поедем на экскурсию: сначала на зерноток, потом на молочную ферму, а потом к вам на подстанцию. И журавля посмотрим...

Тетя Фая погостила несколько дней и уехала. Дом опустел как бывало после отъезда бабы Усти. Придя из школы, Даша сиротливо слонялась по комнатам: «Правду говорит тетя Фая, живем на отшибе, скука такая».

— Даша, садись быстрее, делай уроки, а потом картошку будем перебирать, — сказала мама.

Из учебника арифметики выпал листок. Айдосов конь! И как Даша про него забыла!

— Дай мне кнопок, — попросила она маму. — Я коня над столом прикреплю.

— Еще не хватало стенки портить. Если уроки сделаны, бери совок, веник да полезай в подполье. Надо место для картошки приготовить.

Подполье было глубокое и просторное. Здесь стоял прохладный земляной дух. От бочек с

солеными огурцами и помидорами тянуло запахом укропа, чеснока, хрена.

— Я крышку захлопну, — сказала мама. — Крикнешь, когда закончишь, а то Николка так и норовит в люк завалиться.

Грохнула крышка люка, и стало тихо, лишь сверху слышался дробный топоток Николки. Подполье было разгорожено досками: отсек для свеклы, отсек для моркови, три отсека для картошки — крупной, на еду, средней, на семена, и совсем мелкой и резаной — на корм домашней живности. Даша представила, сколько времени придется сортировать ту картошку, что под навесом, и ей стало тоскливо. Ссыпать бы все разом — чего там, потом разобрались бы. Но порядок есть порядок, и его тоже установила баба Устя. Под ногами шнырял Прошка — он свободно входил и выходил через отдушину в фундаменте. Мышей Прошка давно всех переловил, но, видно, надеялся, что хоть Даша какую-нибудь вспугнет. Мышей не было, только бледные ростки забытых прошлогодних картофелин тянулись в сторону отдушины. Прошка потерял о ноги Даши и заскучал по дневному свету, где летают бабочки и можно сцапать зазевавшегося воробья.

— Прошка, не уходи, мне скучно, — попросила Даша, но кота и след простыл.

Наконец все было чисто выметено и сор сложен в ведро.

— Мама, открой! — крикнула Даша.

Забыла она про нее, что ли? Под лешенкой стояла бочка с засохшей извешкой. Даша выдернула из нее палку и застучала в половицу. Крышка люка отворилась.

— Стучу, стучу, — обиженно говорила Даша, вылезая, — а ты не слышишь.

— Дашенька, прости меня, — сказала мама. — Я тут с Николкой... Он набезобразничал, коня твоего порвал.

— Так я и знала! Так я и знала! — повторяла сквозь слезы Даша. — Хотела же я его на стенку повесить, Николка не достал бы.

— Там и конь-то был... — утешала мама. — Папа тебе в десять раз лучше нарисует.

— Хоть в десять, хоть в сто, хоть в тысячу, — все равно такого не будет.

— Ну ладно, Дашенька, не сердись. Папа ждет. Пойдем картошку перебирать.

— Надоела мне ваша картошка!.. Только и знай — работай, Николку нянчи, корову дой!

Тут Даша поперхнулась, увидев, как изменилось лицо у мамы. Рыжуху ведь она всего один раз доила, и то самовольно. Но что-то нашло на Дашу, и она продолжала:

— Другие девочки играют, а я все работаю да работаю... — Она сама не замечала, что

Продолжение. См. «Костер» № 4, 1979 г.

говорит в точности словами тети Фаи. — Вон Аля и в Ленинграде была, и в Сочи, а я так здесь всю жизнь.

— Вот ты как... Ладно, как-нибудь без тебя обойдемся. Держи двадцать копеек, в кино сходи...

— Сегодня нет кино, сегодня понедельник, кино вчера было...

— Ну дома поиграй. Книжку почитай. Отдохни, дочка...

Мама взяла Николку и вышла во двор. Даша посидела немного, потом приподняла уголок занавески. Николка таскал игрушечный самосвал с песком, а мама сидела на перевернутом ящике возле громадной кучи картофеля. Подошел папа с ведрами, что-то спросил у мамы, наверно, где Даша, и мама ответила, после чего лицо у папы стало невеселым. Он принес еще один ящик и сел рядом с мамой. «Ну и ладно, ну и пусть... — растревляла себя Даша. — Стенку ей было портить жалко, а родную дочь не жаль. Только Николушку своего любит...»

Даша уложила в портфель учебники и тетради, подумала и вытащила из-под кровати

коробку с куклами — давно она в них не играла. Платья бы им постирать надо, вон как запачкались... Но тут Даша представила, как она будет развешивать куклины платья во дворе на веревке, на глазах у папы и мамы, и ей расхотелось стирать. Села рисовать — какие-то рожи получаются.

Даша взглянула в окно. Картофельная куча не убывала. «Этак они без меня долго провозятся». Куклы отправились обратно в коробку, а Даша надела старую курточку и вышла. Папа и мама были заняты переборкой картофеля, даже не заметили, как она подошла. — Смотри, гнилую картошку в ведро бросил, — громко сказала Даша папе.

— Неужели? — удивился он. — И правда...

— Ведро уже полное, неси! — скомандовала Даша и, когда папа поднялся, уселась вместо него на ящик...

Снова все шло своим чередом: папа носил ведра с картошкой теперь уже в подполье, а мама и Даша перебирали. С полчаса они молчали, потом Даша вспомнила:

— У нас скоро экскурсия будет сюда, на подстанцию.

— Хорошо, что предупредила, — сказала мама, — мы подготовимся.

Автобус был работяга, потрепанный, прокаленный на степных дорогах. Вozил он доярок на пастбище, на утреннюю и вечернюю дойку, механизаторов на полевые станы, возил старшеклассников в поле, а сейчас на нем должен был ехать на экскурсию Дашин класс. Сиденья и пол были еще влажные — видно, водитель ездил на водохранилище помыть машину и задержался.

Галя, как будто и не дулась никогда, усе-лась рядом с Дашей.

— Как у меня горло болит, — пожаловалась она. — А все эта Клава... Пошли мы с ней вчера в кино, а там Леша Зырянов. Билеты нам купил, мороженым угостил. А Клава мороженое не ест. Мне за нее пришлось, совсем голос сел, даже петь не могу...

Проехали клеверное поле, где сновали машины — сеноподборщики, упаковывая в брикеты подсохшее сено. А вот и комбайны работают, и хлебные валки лежат, тяжелые и душистые...

На току гудели мощные башни, подсушивая и очищая зерно. На просторной асфальтированной площадке почти не было людей, только несколько женщин с лопатами охорашивали кучи пшеницы, следили, чтобы зерно не топтали зря, подметали, если где просыплется. Все остальное делали машины. А воробьев здесь было — тучи! То на провода усядутся, так улепят, что кажется, вот-вот оборвут, то с шумом слетят на зерно.

— Кыш! Кыш! — кричали ребята.

А Тарас Бахтук пожалел:

— Вот бы сюда рогатку! — и прикусил язык, испугавшись, что услышит Анна Матвеевна.

— Вы думаете, они пшеницу клюют? — сказал заведующий током. — Они жучков-паучков всяких из зерна выбирают. Те наверн из кучи карабкаются, а воробышки их и хватают.

— А ты сразу — «рогатку», — упрекнула Тараса. Сауле.

На молочной ферме ребятам показали круглый зал, где доили коров, высокий и светлый. Загонять коров сюда не надо было — они сами шли по первому сигналу и вставали в очередь на дойку. Каждая буренка знала: стоит ей попасть в доильный станок — и корытце перед ней наполнится вкусным пойлом — болтушкой. Все на ферме делало электричество: и корм раздавало, и помещение чистило.

— Наши девочки не хуже летчиков, — говорила пожилая доярка, — знай себе кнопки нажимают, даже молоко от коровы само в холодильные чаны по трубкам течет...

Круглобокие облака чинной чередой брели по синему небу. Теперь автобус мчался привычной Дашиной дорогой.

Лапик, заблаговременно посаженный на цепь, встретил автобус яростным лаем.

— Проходите, пожалуйста! — встретила Да-

шина мама гостей у калитки. На ней была нарядная вязаная кофточка, и Даша заметила, что мама даже волосы успела уложить в красивую прическу.

— Ой, какой симпатичный бутуз! — Сауле схватила Николку под мышки и закружила вокруг себя. И другие девочки тоже бросились к нему. Николка перепугался. Он никогда не видел столько людей. Уткнулся маме в колени и позорно заревел.

— Ну чего ты, глупенький? Это же Дашины подружки.

Лапик совсем изнемог, и вместо «гав-гав» у него получалось «ах-х! ах-х!».

Галя с любопытством оглядывала двор:

— А где тот журавль, который тебя клюнул?

— В гараже.

Галя рассмеялась:

— В гараже, как будто машина.

Ребята облепили окошко гаража, но Курлышка спрятался за грузовик, и только длинные ноги его виднелись между задними и передними колесами.

— Лапы, как у курицы, — разочаровалась Галя.

— Ребята, все сюда, — позвала Анна Матвеевна. — Послушаем Павла Ефимовича.

Айдосу и Тарасу очень хотелось проникнуть за железную решетку к трансформаторам, но Павел Ефимович не разрешил:

— Отсюда все видно, — и стал рассказывать, откуда приходит ток, как растекается по разным хозяйствам.

— Папа, — вспомнила Даша, — а когда я была маленькая, ты сказку сочинил. Будто в трансформаторах тигр сидит и может уку-сись.

— Еще какой тигр! — серьезно подтвердил папа. — И не только в трансформаторах. В уютге, в лампе — где угодно. Так цапнет, если не побережешься, только держись.

— А меня цапал тигр, — сказала Сауле. — Я еще маленькая была, в розетку сунула паль-цы... Так я напугалась тогда!

— А я мокрой рукой пылесос включил...

— А я... — У всех было, что рассказать...

— «Высокое напряжение!» — прочитала Сауле надпись на ограде. Ребята, прищурясь, смотрели на провода, отходящие от трансформаторов, словно хотели увидеть бегущих по ним огненных тигров.

— А этот провод куда? А этот? — спрашивали Павла Ефимовича.

— Этот — в Тополиный, этот — в опытное хозяйство, а этот — на птицефабрику...

— Посмотрите! — воскликнула Галя. — На трансформаторе написано, когда он родился. Мы с ним, оказывается, ровесники.

— Подумаешь, — сказала Сауле, — весь наш класс в этом году родился, мы все ему ровесники.

— И ничего подобного. Что ли, все в марте родились? Я его лишь на два дня старше.

— Толку, что старше, — возразил Тарас. — Он уже вон сколько поработал, а ты все еще

только хлеб переводить и на людей зря наговариваешь.

Галя подбочилась, готовая уже начать ссору, но тут из дома раздалось оглушительное: «Би-у-у...»

— Что это? — испугались ребята. — Воздушная тревога?

Даша рассмеялась. Это она попросила папу понарошку включить аварийный сигнал.

Пора было садиться в автобус, но всем захотелось еще посмотреть Курлышку.

Курлышка слегка осмелел. Вытянул шею, выглянул из-за грузовика. Спрятался, опять выглянул.

— Журавль — умная птица, — сказал Айдос. — Его дрессировать можно.

— Болтает сам не знает чего, — фыркнула Галя. — Журавля дрессировать...

Айдос будто не слышал ее, повернулся к Даше:

— Учат же собак: подай, принеси. Пусть бы он дяде Павлу шурупы всякие подавал, провода... Если я не уеду, я тебе помогу выучить его.

Даша так раз мечталась, как будут они с Айдосом дрессировать Курлышку, что даже во сне увидела: перелетает Курлышка со столба на столб, а в клюве провод держит. Наматывает провод на изолятор — дальше полетит. «Смотрите, смотрите! — кричит Даша. — Курлышка-то наш — электрик!» Откуда ни возьмись — тетя Фая: «Говорила я, что Курлышка вам счастье принесет. Теперь папе с мамой и работать не надо. Все Курлышка будет делать!».

На следующий день Курлышка впервые вышел из гаража. Лапик зарычал, но мама прикрикнула:

— Не смей, Лапик! Это свой, свой! Понял?

— Наш электрик! — подхватила Даша.

А Курлышка пошagal в угол двора, где греблись куры. Петух завохтал недовольно и утихомирился: не драться же с журавлем — вон у него какой клюв...

АЙДОС УЕЗЖАЕТ

Кончилась осень золотая, началась мокрая. Дорогу развезло, и теперь папа чаще отвозил Дашу в школу и заезжал за нею. В субботу, прежде чем ехать домой, они завернули в магазин, купили масла, круп, сахару, несколько баночек сгущенного молока. Рыжуха-то совсем перестала доиться: теленка ждала. Сумку с продуктами папа поставил в коляску к ногам Даши, а потом велел ей надеть стеганный ватник: в селе было потише, в степи ветер так и пронизывал.

— Папа, — спохватилась Даша, — а соли мы и не взяли. Мама просила, капусту же завтра солить.

— И в самом деле! — хлопнул себя по лбу отец. — Посиди, я сейчас.

— Развесную покупай, в пачках не бери!

Появилась группа девочек, Дашиных одноклассниц. Они все еще брели из школы, хотя вышли с Дашей в одно время: остановятся, поговорят о чем-то, размахивая руками, — дальше пойдут... Галя попрощалась с девочками и подбежала к Даше.

— Дай, пожалуйста, каску примерить! — попросила Галя.

Каска была красная, с белыми пятнышками, как у божьей коровки. Галя повертелась перед зеркалом, зачем-то показала язык.

— А у Леши Зырянова тоже на мотоцикле такое зеркальце. Только у него «Юпитер». Он нас с Клавой катал и еще покатает... Да, а ты знаешь, что Айдос уезжает?

— Как уезжает?

— А вот так. Только что пришла в школу Алтынай и говорит Анне Матвеевне: «Дайте Айдосовы документы».

Так, значит, Алтынай все-таки отправляет брата, значит, не сдержала своего слова... И тут Даша увидела на другой стороне улицы Алтынай и Айдоса. Она сбросила ватник и выскочила из коляски, оборвав Галю на полуслове.

— Айдос! — окликнула Даша. — погоди!

С Алтынай Даше даже здороваться не хотелось, но та остановилась и тоже ее ждала.

— А, Даша, здравствуй. Вот видишь, уезжаем мы с Айдосом.

— Как? Вы вдвоем уезжаете? — оторопела Даша.

— Втроем. С маленьким. К дяде в аул Аксуат. Школа там есть, Айдос учиться будет, а мне там тоже «Кировец» дадут. Старой марки, не такой, как здесь, но что поделаешь...

Алтынай зябко куталась в серую пуховую шаль, и улыбка у нее была вымученная, жалобная.

— Вы тут поговорите с Айдосом, я в магазин зайду.

Березовые листья качались в лужицах, как грустные кораблики, отплывающие неизвестно куда.

Айдос молчал, глядя исподлобья на Дашу.

— Когда вы уезжаете?

— Завтра.

— погоди... — Даша побежала к мотоциклу и, стараясь не глядеть на Галю, достала из портфеля коробку с фломастерами.

— Неужели подаришь? — испугалась Галя. — С ума сошла. А чем мы будем рисовать?

Айдос спрятал руки в карманы, мотал головой.

— Не надо, не возьму.

Но Даша сунула ему коробку под мышку и убежала. Гали уже не было, а папа заводил мотор.

— Молодец, что про соль напомнила. Я и позабыл, пришлось бы еще раз ехать.

Даше вдруг захотелось плакать. Она задрала голову и часто-часто задышала носом...

Курлышка теперь жил в теплой мастерской: журавли ведь не любят холодов, не зря они улетают на зиму в Индию. Журавленок уже

не шарахался, когда к нему подходили. Стоя на одной ноге, терпеливо ждал, пока Даша сделает уборку, сменит воду в плошке. Потом подошел к корытцу и стал неторопливо клевать моченый хлеб.

— Курлышка, Курлышка, — сказала Даша. — Айдос-то уезжает... Ну, что же ты молчишь, Курлышка?

Вытянув шею, журавленок смотрел в окно. Там, меж дождевых капель, все чаще пролетали незнакомые ему большие белые мухи...

СЕМЬ ПОГОД НА ДВОРЕ

Даша катала Николку на санках и жалела, что снегу еще мало: чуть-чуть землю прикрыл, — санки подпрыгивали на мерзлых комьях земли. Но к вечеру напоздли тучи и повалили густые хлопья.

Утром Даша вышла на крыльцо и ничего не узнала. На дом, на сарай, на столбы зима нахлобучила голубоватые снежные шапки. Провода стали белые, толстые, пушистые. От крыльца к трансформаторам была прочищена тропа: Даша ступила на нее, и снег оказался ей выше пояса. Папа и мама обметали трансформаторы, очищали площадку. Даша знала: нельзя, чтобы на трансформаторах и возле них оставался снег. Если начнется оттепель и потечет вода, может выйти из строя все оборудование. Вот почему Дашины родители почти не спали в эту ночь.

— Ты уж, Дашутка, там сама позавтракай, — сказала мама. — Чайник я вскипятила, вареники вчерашние разогрей.

До школы Даша в то утро добиралась в кабине бульдозера, который проложил дорогу до подстанции.

— Наделал делов этот снегопад, — говорил бульдозерист. — С трех ночи дороги к фермам расчищаем. Ну ничего, зато для будущего урожая полезно.

На поля двигались тракторы — прокладывали борозды, насыпать снежные валы. Тогда весной талая вода не сбежит просто так в овраги, а впитается в землю, вспоит пшеничные колосья. «Где-то, наверно, и тетя Алтынай сейчас выводит свой трактор, — подумала Даша. — Как-то им с Айдосом живется на новом месте?».

Место Айдоса за партой у окна оставалось пустым, а сегодня не пришел и Тарас, видимо, заболел.

— Давай сядем у окна, — предложила Галя.

И Даша согласилась. Она села с левой стороны, где сидел Айдос, машинально пошарила рукой в парте, прежде чем положить туда свои книги. И вдруг пальцы нащупали бумажку, свернутую в тонкую трубочку. Что там такое? Даша развернула листок. «Я уезжаю, до свиданья».

— Что там? — заинтересовалась Галя.

— Да так, просто бумажка.

Кому же писал Айдос? Наверно, тому, кто

сядет вместо него за парту. Он же не мог представить, что сядет именно Даша. И все-таки ей хотелось думать, что эти грустные слова обращены именно к ней: «Я уезжаю, до свиданья...»

Анна Матвеевна, конечно, сразу же заметила, что девочки сели у окна, но не стала их ругать, пусть уж посидят, если им так хочется. Однако на втором уроке учительница обратила внимание, что Даша смотрит не на доску, а в окно.

— Что ты там увидела, Даша?

— Я? Ничего... Сосульки, провода...

Ребята засмеялись.

— Не отвлекайся! — строго сказала Анна Матвеевна. — А то придется вам с Галей немедленно пересесть на свое место.

А за окном солнце растапливало снег, холодный ветер тут же студил талые капли, и сосульки становились заметно длиннее и толще. И на проводах снег тоже уплотнился, покрылся ледяной коркой. Очень плохо, когда провода обмерзают: подержат-подержат на себе ледяную тяжесть, а потом «устанут» и начнут обрываться.

На последнем уроке, перед самым звонком, Даша увидела, что возле школьной ограды остановился знакомый грузовик — это папа за ней приехал.

— Мама там тебя ждет не дожидается, — озабоченно говорил папа, крутя баранку. — На линии беспокойно, на подстанции дел невпроворот, а тут еще Николка сегодня учудил...

— Что такое? — встревожилась Даша.

— Самосвал у него под шкаф закатился, он и засунул туда голову, а вытащить не может: застряла голова под шкафом. Хорошо, я был во дворе, а ведь чуть по вызову не уехал. Мама выскочила на крыльцо: «Ой, Николка! Ой, Николка!» — а больше и не выговорит ничего. Забегаю в дом — слышу пищит где-то, а где — не пойму.

— Ну Николка! Ну озорник! — ахала Даша.

Взбегая на крыльцо, Даша провела рукой по перилам, они тоже покрылись ледяной корочкой. Дверь открылась с трудом — примерзла. Мама была в диспетчерской, возле рации, а на коленях у нее примостился Николка с распухшим носом.

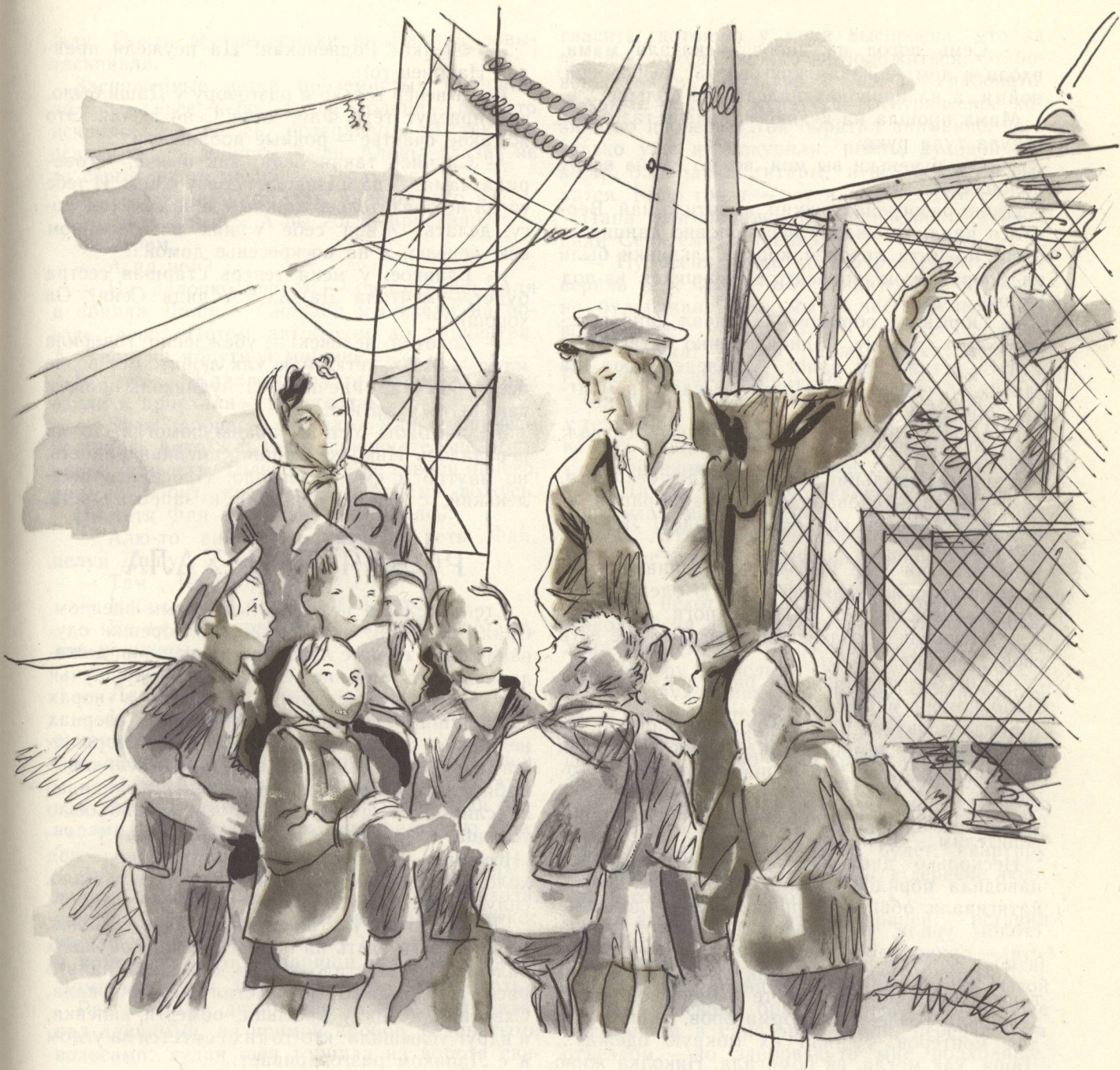
— Боюсь от себя отпустить. Опять куда-нибудь голову сунет.

— Теперь долго не сунет, — успокоил папа. — С кем говорила?

— С электриком птицефабрики. У них снег с дождем и ветер с севера. Лед на проводах все намерзает, говорит, уже по килограмму на метр...

— Да, худо дело, особенно если ветер усилится. Такая пляска пойдет...

Даша представила опоры в заснеженной степи. Провода обвисли под немыслимой ледяной тяжестью. Налетает ветер — провода начинают раскачиваться, извиваться. Гул стоит в степи, — пляшут, пляшут провода, все силь-

ней, все неистовей... Чу, треск раздался, посыпались на снег голубые искры. Оборвался провод. А там, где только что сверкал огнями большой поселок, стало темно. Погасли электрические лампочки и экраны телевизоров, замерли моторы, качавшие воду, остановились станки в мастерских. Не греют больше цыплят огромные «наседки»-рефлекторы, а самое страшное — могут задохнуться те цыплята, что еще не вывелись. Сотни тысяч яиц в инкубаторе, шутка ли? Тока нет — жизни нет...

— Придется мне съездить на птицефабрику, — озабоченно говорил папа. — Пока светло — надо людей мобилизовать, лед с проводов обкалывать.

— Поезжай, Павлик, — голос у мамы был тихий, усталый. — Мы уж тут как-нибудь справимся. Главное, теперь Даша дома, я за Николку спокойна.

Вечером Николка запросился спать раньше, чем обычно. Даша уложила его в постель и стала напевать, как, бывало, баба Устя:

— Пришел к нам сон
Из семи разных сел,
Пришла к нам лень
Из семи деревень...

Николка, засыпая, всхлипнул несколько раз. Может, почудилось ему, что опять у него голова под шкафом и он не может ее вытащить.

— Спи, Николушка, я здесь...

Когда Николка ровно засопел, Даша на цыпочках вышла из детской. Папа все еще не вернулся с линии, мама была возле трансформаторов. Там, на столбе, горел фонарь. Что-то мельтешило в конусе света: не то изморось, не то мелкие снежинки, а на снегу раскачивались тени проводов, и казалось, сама земля качается вместе с ними.

— Семь погод на дворе, — сказала мама, входя в дом. — Такая круговерть, не разбери-
пойми, а на проводах наледь все больше.

Мама прошла на кухню, налила в таз воды, сунула туда руки:

— Ох, ручки мои, все-то вы на ветру полопались...

Даша разогревала ужин, кипятила чай. Вернулся папа. Одежда у него, словно панцирем, была покрыта ледяной коркой, льдинки были на бровях и на волосах, выбившихся из-под шапки.

— Обрыв за обрывом! — кричал папа в телефонную трубку, одновременно стаскивая с ноги оттаявший сапог. — Обледеневают, на глазах обледеневают. Прошу выслать ремонтную бригаду!

Не успели поужинать — аварийный сигнал: «Би-у-у...»

Это самый дальний совхоз остался без света.

— Да, да! — снова кричал папа по рации. — Выезжаю! Людей собирайте! Людей! Лед обламывать!

За стол он уже не сел, чай допивал стоя, а мама готовила для него сухую одежду, доставала из кладовки другие сапоги.

— Неужели обязательно тебе? Там же есть свой электрик.

— Он без году неделя работает, Наташа. Надо помочь парню.

Когда вернулся папа, Даша не спала. А утром, еще было темно, залаял Лапик, заскрипел снег под сапогами, послышались мужские голоса.

— Вставайте! — закричала Даша спящим родителям. — Бригада приехала!

Несколько дней бригада электромонтеров наводила порядок на линии: лед скалывали, натягивали обвисшие провода. Кое-где даже столбы упали, не выдержав ледяной тяжести, — приходилось их заменять.

Дом превратился в бивуак. Накурено, натоптано. Папа работал вместе с бригадой, мама дежурила возле трансформаторов, варила еду для монтеров, сушила их мокрую одежду... Даша, как могла, ей помогала. Николка живо освоился с монтерами и охотно шел на руки к любому.

Наконец бригада уехала, а Николка заболел. Двери-то часто открывались, он под ногами вертелся, вот и простыл.

Мама ставила ему горчичники, отпаивала травами, что баба Устя впрок заготовила: мятой, зверобоем, шиповник заваривала. Баба Устя... Неужели не чувствует твое сердце, как Николка в жару мечется?

Однажды папа вернулся с почты и бросил на стол письмо:

— Плешите!

— От бабы Усти? — обрадовалась Даша.

— Нет...

— От тети Фаи?! Едут? Папа, правда, они к нам едут?

Мама схватила письмо, пробежала его глазами...

— Фаечка! Роденькая! Да неужели правда? Наконец-то!

В тот вечер только и разговору у Даши было, как приедут тетя Фая, дядя Сеня и Аля. Это ж такое счастье — родные поблизости...

— Случись такая беда, как нынче, — говорила мама, — да я Николку сразу к ним. И тебе тогда не обязательно каждый день такую дорогу делать. Живи себе у них в Тополином всю неделю, а на воскресенье домой...

— Главное, у меня теперь старшая сестра будет, — мечтала Даша. — А дядя Сеня? Он хороший?

— Золотой человек! — убежденно говорила мама. — А уж тетю Фаю как любит. Все возле нее — Фаечка, Фаечка... С чудинкой, правда, так на то и артист.

То ли бабы Устины травы помогли, то ли передалась Николке общая семейная радость, но наутро и ему полегчало. Проснулся веселенький, с ясными глазами и запросил есть.

РОДНЯ ПРИЕХАЛА

Степь лежала под толстым белым одеялом. Спали под этим одеялом живые корешки одуванчиков и сочные луковицы тюльпанов, дождались весны горькие семена полыни и «паучьи ножки» овсюга-оборотня. Дремали в норах добродушные сурки, в промерзших озерах недвижно цепенели лягушки. А по сверкающим снегам вышагивали матчи-великаны. Взирались на взгорки, спускались в лощины, и если прислушаться, казалось, можно было услышать переключку: «Идешь?» — «Иду-у-у» — «Несешь?» — «Несу-у-у...» Гудят провода под холодным зимним солнцем, несут людям тепло, силу и свет.

Дорогу так укатали, что, разбежавшись, можно долго ехать на обледеневших подошвах валенок. Даше стало жарко, она даже пальто расстегнула. Домой не заметила как добежала. Схватила веник у крыльца, обмести валенки, и вдруг услышала: кто-то тихо смеется за углом и с Лапиком разговаривает:

— Лапик, ну Лапик же... Потерпи еще маленко, дружок...

Даша обогнула дом. На солнышке, на заваulinке, важно разлегся Лапик, а над ним склонилась незнакомая девчонка, высокая, в коричневой шубке с капюшоном. Нисколько не боясь, девчонка теребила косматую собачью шерсть, и Лапику явно это нравилось. Даша стояла раскрыв рот и постепенно догадываясь, что девчонка в капюшоне и есть двоюродная сестра Аля, которую она так ждала...

Первым заметил Дашу Лапик. Он перевернулся на брюхо и пополз по заваulinке, повизгивая, словно извиняясь, что не встретил ее как обычно, да к тому же позволил незнакомой девчонке так с собой обращаться.

Тут и Аля увидела Дашу.

— Наконец-то! — воскликнула она, шутливо присев и разведя руками. — А я тебя жду-

жду. Почти все репейники из Лапика повытаскивала.

Заснеженные ветви приземистых северных яблонь, синее небо, яркое солнце — все это искрилось, лучилось, ослепляло... И так же ослепительно лучисты были Алины глаза, не то серые, не то и вправду голубые.

— Ты что молчишь? Ты знаешь, кто я?

— Знаю... Аля... А вы когда приехали?

— Утром...

— А на чем?

— На палочке верхом, — рассмеялась Аля и обняла Дашу. — Сначала мы ехали на поезде, ясно? Потом автобусом до райцентра. А к вам на попутной машине.

Вот так... Ждали-ждали телеграмму, а они взяли и приехали — просто так...

— Будь добра, — сказала Аля, — принеси ножницы, надо же Лапика окончательно в порядок привести. Только маме не говори ничего, она не любит, когда я с собаками вожусь.

Но тетя Фая все равно догадалась:

— Алю-то видела? — спросила тетя Фая, целуя Дашу.

— Там... Во дворе...

— Небось уже с собакой возится?

— Не-е-е, — покраснела Даша. — Мама, дай ножницы.

— Зачем?

— Лапику репы выстричь.

— Ну, конечно, Алина затея! — всплеснула руками тетя Фая.

К обеду подбегали и папа с дядей Сеней. — Полный порядок! — дядя Сеня разматывал длинный шарф с красными и черными разводами. — С завтрашнего дня приступаю к работе.

Дядя Сеня говорил и тут же изображал в лицах, как обрадовался ему директор совхоза, как долго жал руку, а потом усадил в мягкое кресло и пригласил к себе в кабинет парторга и комсорга: «Вот, товарищи, новый директор Дома культуры, прошу любить и жаловать».

Рассказывая, дядя Сеня то и дело встряхивал длинными, на прямой пробор, седоватыми волосами; худая шея торчала из ворота свитера; ворот был неподвижен, а шея вертелась, не задевая его, как на шарнирах.

— Беспокойная душа, — говорила тетя Фая. — В поезде так сладко дремлетесь, а он: «Не спите, смотрите на природу!». А на что смотреть? «Вон ворона полетела... Вон лошадка бежит...» Совсем затормошил, у меня даже давление поднялось. А с квартирой-то как, Сенечка?

— Идеально! Вот сдадут новый дом со всеми удобствами...

— Да когда сдадут-то?

— Ну... к весне обещали.

— Надо, чтоб точно... А то бывает манят — «козочка, козочка», а приманят — «волк тебя ешь...»

— Директор Тополиного слов на ветер не бросает, — возразил молчавший до сих пор Павел Ефимович. — Он, прежде чем вас при-

гласить, дотошно у меня выпросил: что за человек, откуда, можно ли положиться. Откровенно говоря, с культурой у нас тут слабовато. Я как-то в Доме культуры электрическое хозяйство проверял, так обратил внимание, чего только уже не накупили: рояль, духовой оркестр, балалайки, гитары, и все без дела пылится. Кино гонят — вот и вся недолга.

Папа разговорился на удивление. Похоже, дядя Сеня ему понравился.

— Ну, Сеня такое колесо раскрутит! — заверила тетя Фая. — Вот увидите. Значит, пока не будет квартиры, мы у вас проживем. Не возражаете?

— Фаячка! — мама даже задохнулась. — Родненькие вы наши... Уж так мы вам рады.

Николка ерзал на коленях то у мамы, то у тети Фаи, все тащил с тарелок, бросал Прошке под стол, наконец стукнул вилкой по дяди Сениной рюмке и разбил ее.

— Да ты уймешься, наконец, непоседа? — крикнула мама. — Даша, займи его чем-нибудь. А ты, Алечка, сиди, сиди за столом — ты у нас гостя. Покушай хорошенько с дороги.

Даша нехотя вылезла из-за стола, села с Николкой на диван и стала лепить из пластилина для него разные фигурки, прислушиваясь к разговору взрослых.

— Воздух у вас тут, пьешь, — не напьешься, — говорила тетя Фая. — А мы рядом с асфальтовым заводом жили, загазовано, дышать нечем. Мимо дома грузовики то и дело, ни днем ни ночью покоя нет. Давление у меня так и скачет. Вернулась я от вас и говорю Сене: «Чего мы за этот городишко держимся? Зарплата и там такая же будет, квартиру с удобствами обещают. Сейчас в деревне люди как в городе начинают жить...»

— Так сказать, стирание граней, — вставил дядя Сеня.

— Вот именно. К тому же Наташе ребятишек поможем поднять. Не зря говорится: «Свой своему поневоле брат». Сению, правда, еще массовиком в санаторий звали, перед самым отъездом, — по здоровью-то мне подходяще, да мы уж к вам твердо решили...

— Ты и здесь поправишься, Фаячка, — горячо заверила мама. — Вот погоди, Рыжуха отелится — парное молоко, свежие сливки...

— А как у вас насчет рыбалки? — интересовался у папы дядя Сеня.

— Как же... Есть. И зимой подледный лов на озерах.

Николка улучил момент, цапнул все фигурки: лошадь, корову, собаку — и смял в один комок.

— Ну и лепи сам! — Даша отвернулась к окну.

Николка сразу заплакал.

— Николушка, не плачь, — Аля вышла из-за стола, взяла Николку за руку. — Пойдем, Курлышке яблочка дадим.

— Он яблоки не ест, — возразила Даша. — И потом он клюется, учти.

— Да что ты говоришь, — шутливо ужаснулась Аля. — Придется учсть, что клюется, а яблоко, между прочим, он у меня уже с утра ел...

Вот как, оказывается, она уже и с Курлышкой освоилась, не только с Лапиком. Даша вошла в мастерскую следом за Алей и прикрыла за собой дверь. Ее удивил вид журавленка. Что-то зазорное в нем появилось. Вытянув шею, отставив назад ногу, он поглядывал на Алю, но когда она подошла поближе, не выдержал — отступил в угол к верстаку. Дальше отступать было некуда. Аля подошла совсем близко и протянула Курлышке ломтик яблока. Он закрутил головой, а потом вдруг отважился и выхватил ломтик из Алиных рук.

— Бедняжка... Кто же тебе крылышко подшиб? У, бяка, мы ему покажем...

Аля притронулась к Курлышкиному красному чепчику. Он дернулся, втянул голову в плечи.

— Я только поглажу... вот так... Вот так...

Аля поглаживала журавлиную шею, пербирала перышки...

— Еще хочешь яблочка? Горошек зеленый ты ешь? Даша, принеси прямо на тарелке...

Горошек пришелся журавлю по вкусу, а когда собрались уходить из мастерской, он вдруг вытянул шею и тревожно крикнул: «Кур-курр!», и в крике этом прозвучало: «Куда ты? Не уходи!».

Даше вслед он так не кричал, а ведь сколько возилась она с ним, кормила, поила...

— Это потому, — объяснил папа, — что нас он боится, мы ведь с мамой ему больно делали, когда лечили...

— А я? — возмутилась Даша. — Я ему больно не делала.

— Все равно. Ты перед ним появилась, когда ему очень плохо было, он это запомнил. А сейчас он уже почти здоров, ему ласка приятна, вот Аля и сумела к нему подойти.

— Ата-тушеньки-та-та! Ата-тушеньки-та-та! — выплясывала Аля впрыска с Николкой, а он захлебывался от восторга.

— Какая добрая, веселая девочка, — сказала мама тете Фае, а та просияла:

— Одна она у нас, как свет в окошке...

Даша стала делать уроки. Задача что-то не сходилась с ответом.

— Помочь? — под села к ней Аля.

— Я сама. Анна Матвеевна сразу догадается, если кому дома помогают.

— Она у вас сердитая?

— Нет, она не сердитая, только не любит, когда обманывают. Ты, Аля, знаешь что, когда тебя в школу будут записывать, в наш класс просись.

— Как это в ваш? — удивилась Аля.

— У нас два девярых, «А» и «Б». Так ты просись в девятый «А». Его Анна Матвеевна когда-то учила, а сейчас они наши шефы.

Там Клава Сивцова учится, сестра Гали, что со мной на одной парте сидит.

Утром в третьем «А» откуда-то все уже знали, что к Баюковым приехали родственники.

— Везет тебе, Дашка, — восхитилась Галя. — Дядя — директор Дома культуры! Теперь тебе в кино можно бесплатно ходить...

А Сауле заметила:

— Красивая у тебя двоюродная сестра. Шея, как у лебедя, тоненькая, длинная.

Галя поджала губы:

— Только прическа старушечья какая-то: волосы вверх зализаны и калачик на макушке.

Дома Даша долго разглядывала Алину прическу, потом не выдержала:

— Ты, Аля, завтра по-другому причешишься. У нас такие калачики никто не носит.

— Не носят, так будут носить, — беззаботно качнула головой Аля, играя с Курлышкой. Она высоко поднимала морковку, журавль сначала смотрел искоса, а потом вдруг подпрыгнул и выхватил морковку из Алиных рук.

— Ой, знаешь, Аля, у нас в классе был один мальчик... — и Даша рассказала, как Аймос собирался дрессировать Курлышку...

— А зачем нас дрессировать? — приговаривала Аля, перебирая перышки на журавлиной шее. — Мы не лошади, не собачки, мы журавли. Что захотим, то сами сделаем, а дрессировать нас не надо. Правда, Курлышка?

Прическу она не изменила. А на другой день несколько девочек из девятого и даже из десятого класса пришли с «калачиками» на макушке, в том числе и Клава Сивцова.

Теперь, по дороге из школы, Даша часто заглядывала к дяде Сене. Многие двери в Доме культуры, наглухо запертые раньше, теперь словно ожили. За одной вздыхала труба, за другой тренькала балалайка. Двери то и дело хлопали, по коридору пробегали смеющиеся девушки в костюмах разных народов, вертелись перед огромным зеркалом в вестибюле.

Даше не хотелось идти домой — так интересно было смотреть, как дядя Сеня репетирует с ними танец: возьмется за брюки, как балерина за юбочку, тряхнет волосами и — «раз-два-три, раз-два-три».

По селу были расклеены яркие афиши: «Новогодний бал-маскарад! Концерт! Танцы! Атракционы! Конкурс на лучший костюм!». Тетя Фая не зря предсказывала: дядя Сеня действительно вовсю «раскручивал колесо».

Сама же тетя Фая крутила швейную машинку. Маму замучила примерками:

— Пока в вашем доме, хоть обошью тебя, Наташа. Помнишь, как пели мы с тобой? «Уж ты сад, ты мой сад...» — тихо запела тетя Фая, и мама подхватила:

— Сад зелененький...

Ты зачем рано цветешь?

Осыпашься...

Никто и не заметил, что в дом вошел дядя Сеня, а он стоял в сторонке и слушал.

— Идеально! — воскликнул он, когда песня кончилась. — Какой дуэт! Нет, нет, не возражайте... В новогодней программе... — дядя Сеня встал в картинную позу и провозгласил: — Сестры Губины! Русские народные песни!

Незадолго до Нового года выяснилось, что старшеклассникам тоже разрешили идти на бал-маскарад в Дом культуры, и тетя Фая срочно взялась шить костюм для Али. Когда Аля надела голубое платье с серебряными блестками, а в волосы вплела жемчужную нить, Даша бросилась к шкафу, где хранились детские книжки, и раскрыла «Сказки» Андерсена.

— Принцесса! Настоящая принцесса!

— У меня костюм не принцессы, а феи, — засмеялась Аля.

Под Новый год остались на подстанции троим: папа, Даша и Николка. Папа дольше и придирчивей, чем обычно, проверял трансформаторы, потом поужинали, и папа стал переключаться по рации с другими электриками, они его поздравляли с Новым годом, а он их. Даша уложила спать Николку, вымыла посуду и вынесла остатки еды Лапику. Было ясно и морозно. Звезды словно со всего неба собрались к подстанции, расселись, как птицы, на проводах и трансформаторах, мерцали в ажурных переплетениях мачт, а одна, яркая, примостилась на макушке громоотвода.

«Сидим, бывало, на крылечке, а звезды до самой земли, — вспомнились Даше слова мамы. — И будто одни мы на целом свете...»

Даше вдруг стало жаль папу, недаром он сегодня такой хмурый, скажет слово и молчит: раньше-то он всегда с мамой встречал Новый год...

— Диспетчер Баюков слушает! — услышала Даша папин голос из дома.

На экране телевизора кружились пары, а на часах... На часах было ровно двенадцать.

— ...На подстанции все в порядке, — докладывал кому-то папа. — Повреждений на линии нет, потребители питанием обеспечены. Положив трубку, он обернулся к Даше:

— С Новым годом, дочка!

На другой день в доме только и разговору было, что о маскараде.

— Ну, сестрички, нечего в землю таланты зарывать, — дядя Сеня бегал по комнате и встряхивал волосами. — Извольте готовиться к восьмому марта.

А тетя Фая спросила:

— Алечка, что это за мушкетер, который тебя все время танцевать приглашал? Высокий такой и, по-моему, симпатичный...

Аля засмеялась:

— Да это мальчишка из нашего класса, Алеша Зырянов...

— Зырянов? — переспросила Даша.

— Да... А что такого?

— Ничего...

Даша хотела спросить, была ли на балу Клава Сивцова и в каком наряде, но так и не спросила.

Продолжение следует

ПОВАР ЛЕНА

Елена Денисова (вторая слева) на смотре-конкурсе в Будапеште

Елене подали руку, и она вышла на платформу будапештского вокзала. Осматриваться было некогда — надо было принимать багаж. С собой из Ленинграда они везли небольшой бочонок соленых огурцов, так как у венгров огурцы маринованные, обложенную сухим льдом рыбу, перловую крупу и муку, свою, привыкли к ней.

И даже утварь собственную: горшочки для рассольника, таганки, креманки под сладкое...

Когда сложили всё вместе, кто-то из встречающих пошутил:

— Вы, наверное, готовые блюда везете, можно прямо на стол подавать?

Лена вместе с парнями отшучивалась, а на душе было тревожно, ведь сюда, в Венгрию, они приехали на первый международный смотр мастерства молодых поваров, кондитеров и официантов стран — членов

СЭВ. В советской команде кондитеры были из Вильнюса, официанты из Таллина, а три повара — Елена Денисова из рабочей столовой объединения «Светлана», Леонид Береснев из ресторана гостиницы «Советская» и Геннадий Петров из «Метрополя» — ленинградцы.

Рано утром наша команда собралась в холле гостиницы «Волга».

— Скорее бы, сил больше нет волноваться, — сказала Елена. — Посмотреть бы, какая у них плита, столы...

Они переоделись в форму, их привели на кухню. Ряд сверкающих металлических кастрюль, газовая плита, тестомесильные машины, кремобивалки, холодильники... Все вроде знакомое, и в то же время новое, даже стоит как-то не так, не с руки.

Всегда веселая и неунывавшая Лена улыбнулась ребятам:

— Начнем?

Леонид вынул из льда звенящих, полуметровых судаков, положил на стол оттаивать. Лена принесла петрушку, огурцы, маслины... стала мыть и сушить. Геннадий начал варить мясо...

Главная работа у Лены — приготовить бутербродики. Тонюсенькими ломтиками она нарезала булку, обжарила на сковородке. На румяные гренки положила сверху масла, на него ломтик семги, дольку яйца, как кораблик. Другое яичко ножом превратила в цветок. Сверху из шприца тонкой струйкой рисовала паруса, лепестки. Потом мастерила малюсенькие рулетики из ветчины с огурцом. Конвертики из мяса наполнила золотистым сыром. В кипящем масле жарила хрупкие тарталетки, наполняла их икрой. Чтобы крошечные бутербродики-канапе не выскальзывали из пальцев, в каждый из них

воткнула миниатюрную «шпагу».

К двум часам ночи повара управились. На изящных подносах искрились и переливались покрытые золотистым желе судак и заливное мясо. Елена поискала, на что бы сесть. Леонид принес ей табурет. И хотя тоже устал, пошутил:

— Повар — работа мужская. Испокон века так повелось. Посмотри, в других командах повара почти все мужчины.

Но все равно Елена не ушла, осталась со всеми ждать, пока кончат работу девушки-кондитеры. Они закончили только к четырем утра.

Поспать удалось всего несколько часов. Очень уж хотелось узнать, как оценят их труды, ведь Будапешт хорошей кухней не удивишь.

В выставочном зале гостиницы «Дуна-Интерконтиненталь» было тесно. Ребята едва протиснулись к холодильным шкафам, за стеклянными дверцами которых красовались их кушанья.

Трехэтажный торт наших кондитеров вызвал восхищение.

— Вы эти цветы для торта из Москвы привезли? — спросил один недоверчивый зритель.

Девушка-кондитер ушла на кухню и вскоре принесла точно такие же.

— Вот молодец, — обрадовалась за нее Елена, — крепкая у нас команда.

Прямо к подъезду отеля были поданы автобусы, и всех повезли осматривать город. Будапешт Елене понравился. Но, глядя на широкие улицы и чудные дворцы, она думала о своем. Ведь впереди был третий, самый трудный день. Предстояло готовить блюда нацио-

нальной русской кухни. Ребята тоже об этом думают, но им полегче — ресторанная кухня классом выше, чем ее. У Леонида техникум позади, в институте учится. Он один из лучших молодых поваров страны. У него уже и блюда свои есть, бересневские. Геннадий — этот мастер старинной русской кухни. А у нее что? Позади кулинарное училище и все. Хотя нет, не все. Преподаватели были чудесные, и времени своего не жалели. А в кулинарном кружке сколько было изучено старинных рецептов, сколько приготовлено блюд национальной кухни разных народов! А в заводской столовой, когда заметили ее старательность и выдвинули на районный конкурс, — кто только ей не помогал?! Каждый повар вспоминал любимый рецепт: «А вот это ты умеешь?..» и тут же у плиты показывал как и что. Комитет комсомола предложил ей организовать школу молодых хозяек, чтобы и ей практика, и людям польза.

И от конкурса к конкурсу, через успехи и поражения шла она и, так же как ее товарищи — Леонид и Геннадий, победила на Всесоюзном конкурсе. И теперь никак нельзя было оплошать.

Это только кажется, что в автобусных экскурсиях можно отдохнуть. На самом деле в них устаешь ничуть не меньше, чем на работе. Но и после экскурсии, ночью, лежа в постели, Елена долго не могла заснуть и мысленно готовила уже свой обед.

Утром все снова встали за рабочие столы. Застучали ножи, закрутилась, загудела тестомешалка, забулькала вода в кастрюлях...

И вот тут, когда работа шла

на пределе, они поняли, в чем их сила. Только Леня приготовил бульон для рассольника — Елена уже закладывала в него распаренную перловку, картофель, очищенные от кожуры огурцы. Гена поджаривал корешки, чтобы рассольник получился ароматным и красивым. Леня рубил индейку для рассольника и тут же вынимал тесто из мешалки, которое Елена приготовила для творожной ватрушки. Любой из них все это мог сделать один. Но, оттого что работали они дружно, силы их умножались, ведь строгое жюри учитывало каждую секунду, а надо было приготовить семьдесят пять порций обеда из нескольких блюд: судак под майонезом, рассольник по-ленинградски с индейкой, он подается с творожной ватрушкой, говядина по-русски (слегка маринуется, обжаривается и прогревается в соусе), и абрикосы консервированные взбитые, где учитывался даже оттенок взбитой массы.

За три часа все было готово.

Невозмутимые, полные достоинства официанты безупречными движениями ставили кушанья на поднос и уносили. А в зале, среди посетителей — повара, опытные метрдотели, официанты, директора столовых и ресторанов...

Спокойный голос официанта заставил ребят вздрогнуть:

— Вас просят в зал.

Что же, какое решение они услышат?

Аплодисменты — вот что они услышали...

В Ленинграде Елену Денисову ждало радостное событие — она стала лауреатом премии Ленинского комсомола.

Л. СМАГИНА,
А. ГОСТОМЫСЛОВ

Рисунки
М. Таранова

Комсорг батальона Нина Янгольд

ПОЕЗДКА В УГЛЯНЕЦ

ВETERАН
ПРИШЕЛ
В ОТРЯД

Наша Нина

Обычно на поясе у нее висел «ТТ».

Но в то утро она пришла к нам на рацию без пистолета. Раздала радистам письма. Улыбнулась тем, кому писем не было: пишут, мол, в разгаре работа.

— Возьми винтовку, комсорг, — сказал кто-то из радистов. — Тогда сегодня обязательно еще раз зайдешь.

Посмеялась, ушла — без винтовки.

И не вернулась Нина Янгольд, комсорг нашего батальона, ни в тот день, ни в другой — никогда.

Я вспоминаю об этом тридцать четыре года спустя в воронежском селе Углянец, в пионерской комнате местной школы. Нас пригласили сюда отряды шестого «А» и шестого «Б» — бывшую учительницу этой школы Галину Михайловну Вербицкую и меня. Мы с Галиной Михайловной — однополчане, и для меня она всегда останется Галей, в эти часы мы оба в прошлом, оба — молодые.

Нина не вернулась на рацию. По дороге на один из наблюдательных постов нашего полка, на лесной тропе, встретились ей враги.

Мы с Галей смотрим на мальчишек и девчонок, собравшихся в пионерской комнате. Смотрим словно оттуда, из далеких дней.

Наш полк воевал в ту пору на Украине. Он назывался так: 4-й полк ВНОС — полк воздушного наблюдения, оповещения и связи. В нем служили не только парни, но и девушки.

Тогда, на фронте, через полгода после исчезновения Нины нам стало известно о ее гибели. Но что было с ней в бандитском плену, я не знал.

Узнал здесь, в Воронеже, где жила перед войной Нина и где живут сейчас ее мать и сестра.

Мама Нины, маленькая, худенькая, с глубокими и прекрасными глазами — помню, у Нины были точно такие же глаза — показала мне пожелтевший от времени листок — «приговор» бандитского суда.

«...Не хочет сказать, где стоят войска» — читаю я этот страшный документ.

И вдруг голову пронзает острая мысль: «Войска — это ведь и наша рация». Значит, не выдержи комсорг, сознайся под пытками, где стоит РСБ — радиостанция скоростного бомбардировщика, — враги бы нас уничтожили. Я помню, как командир полка полковник Панкратов и начальник связи капитан Батубаев, наезжая на РСБ с проверками, не раз наставляли радистов: «Такую, как ваша, рацию фашисты по значению приравнивают к стрелковой дивизии. Об остальном думайте сами». Думали, зарывая РСБ в глубокий котлован, маскируя ее другими способами. Но нас было только шестеро, оружие — винтовки. Что могли бы мы поделаться против врага, вооруженного пушками и пулеметами? Рацию взорвать успели бы, но что за смерть ожидала радистов, владеющих военными тайнами?..

Галина Михайловна рассказывает ребятам о подвиге Нины Янгольд. И я вижу по глазам мальчишек и девчонок, что они взволнованы.

— ...До войны Нина была старшей пионервожатой. Еще училась в десятом классе, а уже работала здесь же, в дружине. Она прожила всего двадцать три года. Но какой же прекрасной была ее жизнь — от самого рождения до смерти!..

Мальчишка — лобастенький, бровки крутые, строгие — руками сжимает спинку соседнего стула. Поколебавшись, спрашивает:

— У нее орден был?.. У Нины?..

— Был, — говорит Галина Михайловна. — Только она об этом не узнала. Ее наградили орденом Отечественной войны 1-й степени — посмертно. За неделю до дня Победы, в сорок пятом.

Мальчишка опять задал вопрос:

— У нас сейчас будет эстафета, пойдете смотреть?

— Если пригласите, — говорит Галина Михайловна.

И вот вместе с ребятами, в одном строю шагаем на школьный стадион. Идут ничего, по-солдатски, твердо печатая шаг.

Эстафета

На дворе, над школьным стадионом, небо низкое, в тучах.

Мерзнут на ветру ребята в легких тренировочных костюмах.

Слышу, как переговариваются директор школы и старшая вожатая: не отменить ли эстафету?

Повернувшись спиной к ветру, нос уткнув в воротник пальто, оглядываю близкие дома поселка. Нет, не было их тогда, в сорок втором, когда по этой дороге ехала наша РСБ на новую позицию в Гремяче... Или были? Ах ты, память, память...

Эстафета началась. Шестой «А» и шестой «Б» повели борьбу за первенство.

Вижу, как самая маленькая девчушка в команде шестого «А» во весь опор несется к «яме»... Батюшки, шлепнется сейчас!.. Она, конечно, шлепнулась, но «яму» одолела, мчится дальше — и ни слезинки!

Старшая вожатая Валя Журавлева говорит улыбаясь:

— Молодец, Хатунцева. Просто молодец, не правда ли?

— Правда, — говорю я. Но думаю о другом.

У нас в полку были отличные радистки — Таня Фурсова, Лида Черных, Валя Прохорова.

Валя Прохорова дежурила в штабе у телефона. Черный, с крестами, самолет откололся от группы пикировщиков, завывая, бросил на дом бомбу. Через мгновение осталась только одна стена с телефонами и эта старающаяся перекричать грохот бомбежки девчонка, которая передавала очередное донесение.

Таня Фурсова отправилась под обстрелом искать обрыв телефонной линии. Пуля ударила ей в ногу. Обрыв все-таки нашла, устранила. И обратно — полем и болотом. Как добралась, не помнит.

В переправе через Дон, под огнем фашистов достигнув берега, Лида Черных повернула обратно — помочь тем, кто не умел плавать. Не одну нашу девчонку перетаскила на тот берег лучшая пловчиха полка.

...А Галя Хатунцева мчится обратно. Есть «мышеловка»! Есть «лабиринт»! Вместе с болельщиками кричу «Ура-а-а!». Огляделся — нет, никто не смеется...

Шестой «А» тем временем вырвался вперед. И болельщики шестого «А» — их на стадионе немало — ликуют!

И вдруг... Сколько этих вдруг бывало и в нашей фронтовой жизни!.. Когда обеим командам пришел черед расшифровывать записанный азбукой Морзе боевой приказ, главный шифровальщик шестого «А», тот лобастый, Дима Бухарин «засел» с расшифровкой! И здесь, на последнем этапе эстафеты, шестой «Б» обошел шестой «А».

И тогда Галина Михайловна, бывший сержант и отличная радистка, делает шаг вперед, к Диме. Я знаю — она помнит «морзянку», до сих пор помнит и может помочь мальчишке.

— Назад! — шепчу я Галине Михайловне. — Назад! С ума сошла?!

— Дима, — говорит Галина Михайловна

шифровальщику Бухарину, — «морзянка» стоит того, чтобы ее изучить как следует. Ты понимаешь, Дима!

Бухарин согласно кивает головой и зябко ежится — то ли от ветра, то ли от своей неудачи.

Всегда в разведке

— А теперь поговорим о главном, — сказала Галина Михайловна, когда ребята вернулись со стадиона. — Как вы думаете, почему мы рассказывали сегодня про наш полк?

— Потому что он сражался в этих местах, — ответила Ира Новикова.

— Это был особенный полк — он воевал и на земле, и в воздухе, — вступила в разговор Оля Львова. И, покосившись на Бухарина, добавила: — Каждый сражался изо всех сил.

Я тоже посмотрела на Диму. И все посмотрели на капитана команды. Тогда он сказал:

— Мы должны быть похожи на героев.

— Правильно, — подтвердила Галина Михайловна. — А для этого нужно быть всегда в разведке. Мы знаем — вы отлично работали в подшефном колхозе, стали чемпионами «Зарницы». И про то, как помогали бывшему фронтовику дедушке Ивану, тоже знаем. Но мы хотим, чтобы в своей разведке вы были не от случая к случаю, а каждый день, каждый час. И тогда неизвестные герои — а они есть и в нашем полку — станут известными. И тогда не только мама Нины Янгольд будет вам благодарна.

На следующий день, когда мы уезжали из Угланца и ребята собирались нас провожать, меня поджидала неожиданность. Галина Михайловна поставила на стол учебный зуммер и ключ, которые специально взяла в поездку. Я растерялся. У нас на РСБ, на боевой радиостанции, ключ был немного другой — поуже. Да и рука у меня уже не та...

— Смелее, — улыбается Галина Михайловна. — Кому говорю?!

И я — сперва не очень уверенно, а потом все смелее и смелее — сигналю:

О Т И М Е Н И Т Е Х — З П Т К Т О П А Л
И К Т О Ж И В З П Т С П А С И
В А М З А Н Ы Н Е Ш Н И Е В А Ш И
Д Е Л А И З А Б У Д У Щ И Е Т Ч К
Т А К Д Е Р Ж А Т Ь З П Т Н А Ш И
Ю Н Ы Е О Д Н О П О Л Ч А Н Е
В С К А

«От имени тех, кто пал и кто жив, спасибо вам за нынешние ваши дела и за будущее. Так держать, наши юные однополчане!»

Г. КНЯЗЕВ,
бывший начальник РСБ 4 полка ВНОС

«почтальон» отнесутся обычно. А вот за право называться почтальоном в отряде седьмого «А» борются. Почему? В праздничные дни почтальон-семиклассник имеет необычные полномочия: относит в госпиталь поздравительные открытки.

Однажды через такого почтальона у всего отряда началась дружба с интересным человеком, участником Великой Отечественной войны Константином Васильевичем Фроловым. В госпитале он пролежал почти полгода. Он приехал лечиться из Беломорска, в Ленинграде у него не было ни родных, ни знакомых. И вот появился целый отряд друзей.

Закончился курс лечения, уехал Константин Васильевич домой, но частенько приходят в школу письма от старшего друга.

* * *

Отвечая на вопрос корреспондента «Костра», пионеры седьмого «А» рассказали о жизни своего отряда.

А что хорошего у вас? О каких делах на Марше стоит узнать всем читателям «Костра»? Боретесь ли вы за звание правофланговых?

В. ГААЗЕ
Фото И. Колтуна

сказал вдруг Андрей Черепанов, — а я к Саше пойду. Вы без меня фильм смотрите.

Андрей направился к дому Лаврушенкова, а за ним дружно зашагали остальные мальчишки.

— По-моему, от того, как ты выполнишь пионерское поручение, зависит мнение обо всем отряде (Олег Басманов).

...Ну что почтальон? Приносит письма, газеты, и все... В любом другом отряде к слову

ТРИ МИНУТЫ ВОЙНЫ

Фашистский стервятник сбит зенитным снарядом

Товарищи спасают краснофлотца Василия Покутного

Когда фотокорреспондент газеты «Красный флот» Борис Григорьевич Шейнин среди боя, среди разрывов и свиста пуль припадал к видеоискателю своего повидавшего виды «ФЭДа», он не предполагал, что отснятый кадр уже принадлежит истории. Пройдут годы и в свет выйдут воспоминания Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, адмирала Н. Г. Кузнецова и многих других выдающихся советских военачальников с фотографиями Шейнина и его коллег, но в те военные годы ни он, ни какой-нибудь другой фронтовой фотокорреспондент или оператор не думал об этом. Все они снимали войну, но снимали ее так, что каждый кадр, сделанный ими, уже не мог оставить зрителя равнодушным.

Эти снимки и сейчас нельзя смотреть без волнения. Вот горит пантеон русских флотоводцев адмиралов Лазарева, Нахимова, Корнилова и Истомина в Севастополе... Вот товарищи вытаскивают из башни краснофлотца Василия Покутного, — рискуя жизнью, отважный матрос бросился гасить пожар в орудийной башне крейсера «Красный Кавказ». Подоспевшие товарищи помогли погасить пожар; не случись этого, огонь проник бы в пороховой погреб крейсера и гибель корабля была бы неминуема... А на этом снимке запечатлена гибель фашистского стервятника, сраженного зенитным снарядом... Этот кадр, как и предыдущий, обошел во время войны многие газеты и журналы.

«Чтобы хорошо снимать войну, необходимо самому быть солдатом. Борис Григорьевич и был им, — написал о Шейнине нарком и главнокомандующий военно-морскими силами Советского Союза во время войны адмирал Кузнецов. — В самые трудные дни боев за Одессу и Севастополь мы «встречались» с Борисом Григорьевичем на страницах нашей газеты. На его снимках были запечатлены бессмертные подвиги морских пехотинцев и артиллеристов,

катерников и подводников, зенитчиков и летчиков. Фото-репортер всегда был участником наиболее крупных боевых событий, находил самые нужные объекты для съемки. Его оружие — фотокамера — верно служила общему делу».

В военной биографии Бориса Григорьевича есть такой эпизод. В мае 1944 года, когда наша армия стояла на подступах к Севастополю, с одной из вершин Шейнин сделал снимок города, объятых огнем и дымом. Снимок в тот же день был отправлен самолетом в Москву, а на другой день утренним самолетом на позиции была доставлена газета, где уже был помещен снимок Бориса Григорьевича «Севастополь в огне». Попала эта газета и на глаза командующему артиллерией 2-й гвардейской армии генерал-майору И. С. Стрельбицкому. Генерал даже вздрогнул, увидев напечатанный в газете снимок: сквозь дым, застилающий город, опытный глаз различил едва заметные просветления — огневые точки противника. Шейнина попросили немедленно составить из снятых снимков панораму. Ориентируясь по этой фотографии, генерал-майор Стрельбицкий повел огонь своей артиллерии и через сутки, когда наши войска штурмом овладели городом, генерал своими глазами смог убедиться, насколько точной оказалась стрельба его артиллеристов.

«Трудно подсчитать, сколько бойцов обязаны вам своей жизнью, но знайте и помните, вы теперь связаны с нашей гвардейской армией», — прощаясь с Шейниным, говорил генерал.

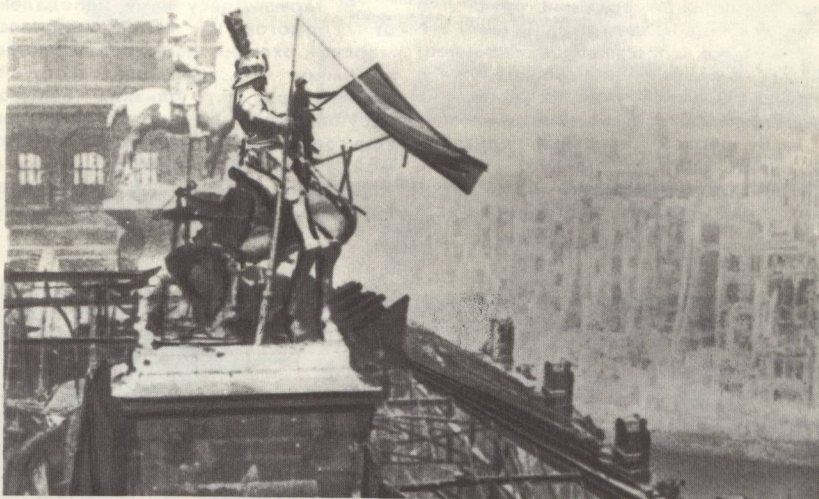
— Я воевал всего три минуты, — как-то сказал о себе Борис Григорьевич и, заметив мой недоуменный взгляд, пояснил: — Считайте сами — за время войны я снял около девяти тысяч кадров. Если принять среднюю выдержку равной одной пятидесятой секунды, то три минуты и получится.

М. ЛЕЗИНСКИЙ

Оборона Севастополя

Флаг Победы на крыше рейхстага 1 мая 1945 года

Командующий Севастопольской обороной адмирал Ф. С. Октябрьский и военный фотокорреспондент Б. Г. Шейнин

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 23-й

ПОДВИГ ЭСМИНЦА

7 мая — в школе № 6 города Ломоносова — день всегда праздничный и торжественный. Отмечается создание музея эсминца «Гордый». Открыт музей в 1972 году. За это время следопыты школы узнали подробности подвига эсминца, разыскали оставшихся в живых членов экипажа «Гордого», собрали десятки документов, фотографий, бесценных реликвий...

Постановлением бюро Ломоносовского горкома комсомола школьной пионерской дружине присвоено имя эсминца «Гордый».

Чем же прославился эсминец? Я побывал в пионерской дружине школы № 6. Вот что рассказали мне ребята:

«...В первой половине сентября эсминец получил приказ: помочь эвакуации героических защитников полуострова Ханко. «Гордый» вместе

с другими кораблями вышел в море. Трудная это была задача. Фашисты минировали Финский залив. Гул их бомбардировщиков не умолкал над волнами. Наступала ранняя зима, и ледяной ветер и высокие штормовые волны встретили эсминца. Шторм сорвал с якорей множество фашистских мин, и они теперь блуждали, швыряемые волнами. Наступила ночь. Еще выше стали волны.

— Усилить наблюдение за морем! — приказал командир эсминца.

...В первом часу ночи неподалеку от «Гордого» на mine подорвался морской охотник. Еще через несколько минут — тральщик. «Гордый» сбавил ход: от близких взрывов нарушились показания его компасов. Еще один взрыв прогремел за кормой... «Гордый», двигаясь двенадцатиузловым ходом, шел все вперед и вперед... Ведь там, на западе, окру-

женные врагами, ждали спасения ханковцы...

Незадолго до рассвета у левого борта эсминца поднялся столб огня и воды.

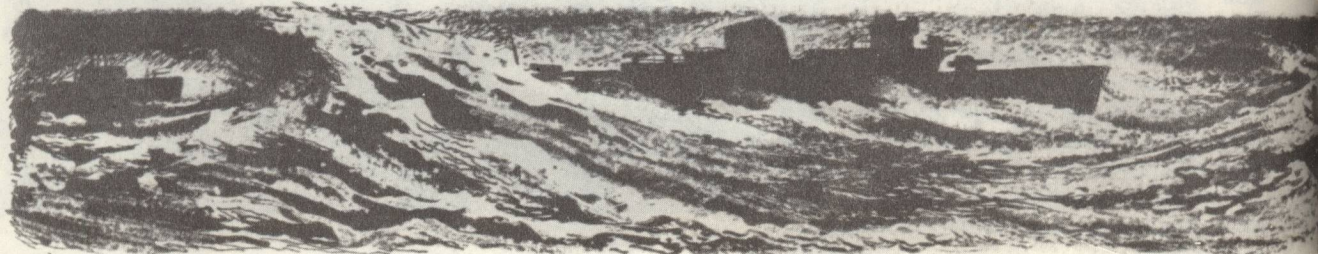
— Всем оставаться на местах! — приказал командир.

Осмотрели повреждения. Мина взорвалась под машинным отделением. Вода врывалась в пробоину, затопляя корабль. Командир понял, что «Гордому» осталось жить несколько минут...

На помощь эсминцу уже спешил минный заградитель «Урал». Еще немного, и он подойдет к борту и снимет, спасет всех людей...

Но в этот миг командиру доложили: «У борта — мины!». Два страшных рогатых шара качались на черных волнах между «Гордым» и «Уралом». С «Урала» их не видели...

И тогда командир «Гордого» Евге-

Ошибка художника

В 1861 году была выпущена марка острова Ньюфаундленд. На марке художник изобразил тюленя, обитающего в прибрежных водах.

Когда марку увидели в Европе, художника подняли на смех: тюлень был с лапами... Смеялись не только журналисты, смеялись ученые. Но зря смеялись над художником. Он был как человек очень добросовестный и рисовал с натуры. Он нарисовал... еще никому за пределами острова не известного морского зверя — большого серого тюленя острова Ньюфаундленд!

То, что художник прав, ученые признали позднее, когда побывали на Ньюфаундленде и увидели все собственными глазами.

Так был открыт новый вид тюленя...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАТРОСА КОШКИНА НА ШХУНЕ „УДАЧА“

Текст О. ОРЛОВА

Рисунки
Б. Цыганкова

Уголок музея

ний Борисович Ефет поднял к губам мегафон: «На „Урале"! Не подходите! Между нами — мины!».

Моряки на «Гордом» затихли. Они понимали, что означали эти слова. Медленно ушел в темноту силуэт «Урала», исчезли его ходовые огни... Надежда и помощь... Теплые каюты и твердая палуба... Жизнь...

«Гордый» погружался в холодные волны. Еще одна мина взорвалась под его кормой.

— «Вставай, проклятьем заклейменный», — это запел «Интернационал» комиссар «Гордого» Дмитрий Иванович Сахно.

— «Весь мир голодных и рабов», — подхватили матросы.

Через несколько минут ледяные волны сомкнулись над эсминцем. Проходя над этим местом военные корабли приспускают флаг.

Слава вам, балтийские моряки!

О. ПЕТРОВИЧ

МОРСКИЕ

ВРАКИ

Греческий школьник Никос Бориадис купался в теплых волнах Эгейского моря. Внезапно из волн выскочил бородастый старик с трезубцем в руке.

— Мальчик! Не видел ли ты Одиссея? — спросил старик.

— Вы спрашиваете о торговце апельсинами Одиссее Кариатиди? — вежливо спросил Никос. — Он вчера уехал за свежим товаром...

— И чему вас учат в школе?! — воскликнул старец и, потрясая трезубцем, исчез в волнах...

Поиски утонувшего старика продолжаются силами местного клуба аквалангистов...

— К нам — гости! Принять как положено.

— Добро пожаловать!

— Мы в кают-компании примем гостей, а вы отбейте шесть склянок и срубите мачту...

Смотри стр. 34

«Бить склянки? Рубить мачту? Что это с боцманом? Однако приказ есть приказ...»

— ...Пятая... шестая...

— Кошкин! Что же вы делаете?!

— Ребята! А что, по-вашему, должен был сделать Кошкин?

ОНИ

Восьмой «А» класс Тихвинской школы № 3. Тридцать два человека в этом классе, самые разные. Екатерина Ивановна Ивашкевич, классный руководитель восьмого «А», решила познакомить свой класс с комсомольско-молодежной бригадой Тихвинского производства объединения «Кировский завод». И вот бригадир Леонид Шиман, лауреат премии Ленинского комсомола, и его друг Слава Езерский после смены пришли в класс.

Увы, сначала никто никому не понравился. Только девочки оценили: ладные ребята.

— Вы на вечер их к себе пригласите, — шепнула своим ученикам Екатерина Ивановна. — Будьте хоть вежливы.

Пригласили.

И он начался, этот вечер. Из бригады никто в школу не позвонил, никто не пришел. Ребята вяло танцевали, вяло пели.

И вдруг дверь настежь — и все восемь вошли в класс. Яркие рубашки, галстуки, а у одного гитара через плечо.

Класс замер, а потом хором: «Здравствуйте!».

Володю обступили любители гитары. Кто-то спросил о заводе, поинтересовался, как работают эти ладные, веселые и красиво одетые ребята.

Домой шли вместе. Потом договорились встретиться в цехе.

— Одно дело рассказать о своей работе, — сказал бригадир, — другое увидеть, как работаем.

ПРИДУТ В ЦЕХ

Сосновый лес, перед ним серая лента асфальтового шоссе, громадные корпуса цехов. У ворот проходной вся бригада: «Пошли, ребята. Теперь вы наши гости!».

Сначала их провели в заводской музей, потом в цех.

Ребята лазили между станками. Из цеха их было не вытащить. Здесь работали красиво.

И опять бежали дни. Для бригады Шимана обычные трудовые будни, для школьников — необычные. Неумолимо приближалось окончание восьмилетки, надвигались события, казалось бы, отдаленные. Готовились к праздничному огоньку: решили удивить бригаду. Все в классе теперь делалось как бы для бригады. Получит кто-то пятерку: «Бригаде будет приятно». Получит двойку: «На заводе об этом лучше не заикаться».

Ко дню рождения Владимира Ильича Ленина на заводе организовали субботник. Разрешения прийти работать в цех бригада Шимана добилась для всего класса.

На субботник девчонки все до одной явились в красных косынках, вытащили из карманов крохотные красные бантики и прикрепили ребятам на грудь,

а каждому члену бригады — по огромному красному банту на спецовку.

На следующий субботник школьники приглашены не были. Ведь не просто это — пропустить на завод детей. Техники безопасности не знают, спецодежды не имеют.

А ребята решили прийти и пришли. Ровно без двадцати восемь собрались у знакомой проходной. Но бригада Шимана прошла через другую проходную.

Людской поток стал уже редеть, а ими никто не интересовался. Вахтер сказал: «Пропуска нет? Нельзя!».

Они стали заглядывать в партком, завком, комитет ВЛКСМ. Но все двери были заперты, все ушли на субботник...

— Как позвонить самому большому начальнику?! — спросили они уборщицу.

— Это кому же? Директору завода, что ли?

Они было стухнули, а потом решили: да, директору, ведь они пришли работать, а их не пускают.

Уборщица, посмеиваясь, назвала номер, а сама ушла. Они услышали густой мужской голос, испугались, а потом стали

рассказывать о своей обиде, которой не заслужили.

— Идите к проходной, товарищи, — сказал директор. — Сейчас дам распоряжение.

Радуюсь, они побежали к проходной, а там уже стоял улыбающийся Леонид Шиман...

Сколько все-таки событий промелькнуло, прошумело, но осталось навсегда в памяти. Сдача Ленинского зачета. Среди экзаменаторов — вся бригада Шимана. Получали аттестат тоже в присутствии бригады. Потом поездка в колхоз. Бригада разумеется провожала: «Мы вас навестим».

И они приехали. Субботу, воскресенье и снова субботу и воскресенье бригада шлифовщиков трудилась в совхозе.

И как гордились ею ребята из бывшего восьмого «А» класса!

А потом Леонид Шиман сказал:

— Кто хочет, может после совхоза месяц отработать у нас в цехе. Пропуск будет, спецодежда будет. Все настоящему. Ну, так кто хочет?

Подняли руки почти все. Желание было одно — в цех, непременно в цех.

Лидия ПОТАПОВА

ТРИ КАНАЛА

МЫ СМОТРИМ

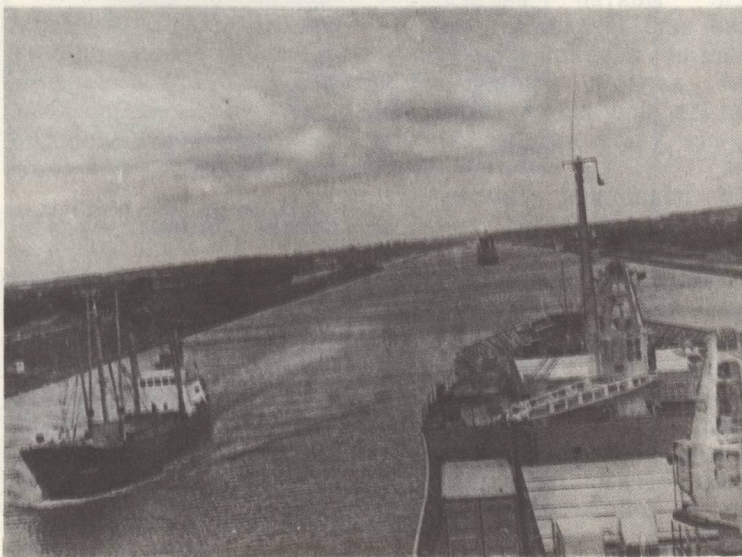

Фото В. Гесселя

Как было подсчитано, каждый метр Панамского канала стоил жизни одному панамскому рабочему... Метр — жизнь... Километр канала — тысяча жизней... А длина канала — 81 километр 600 метров...

Издавна люди мечтали о том, что каналы, соединив моря и океаны, облегчат человеческую жизнь. Так оно и должно было бы быть... Но в странах капитала и каналы могут служить делам наживы, делам войны.

На наших фотографиях ты видишь три самых известных канала — Панамский, Суэцкий и Кильский.

...В 1903 году Панама подписала с США кабальный договор: канал будет принадлежать американцам на вечные времена... Курьез. Канал строили панамские рабочие, канал прошел по панамской земле, а принадлежать будет не панамцам, а американцам. Почему? Да потому, что бедной Панаме не под силу было построить канал, деньги на строительство выложили американцы... Вот и пришлось подписать договор — на вечные времена...

Десятки лет американцы считали себя полными хозяевами Панамского канала. Не хочешь пользоваться — плыви вокруг Южной Америки... А чтобы попасть кораблю из Тихого океана в Атлантический, нужно отмерить 5000 морских миль, огибая мыс Горн или идя извилистым Магеллановым проливом...

В 1968 году правительство Панамы потребовало от американцев изменить условия договора. Не может ведь такого быть — «на вечные времена...» Но только в 1977 году США были вынуждены отказаться от бессрочного владения каналом и установить сроки его передачи панамской администрации... Однако произойдет это не ранее 2000 года.

...Суэцкий канал длиннее Панамского. Он протянулся на 161 километр, соединив Средиземное море с Индийским океаном. О канале в этих местах люди мечтали со времен фараонов. Построили же его в 1869 году. В первый раз пушки загремели над Суэцким каналом в 1882 году. Английские войска оккупировали Египет, и канал на многие годы стал главной английской военной базой...

В 1956 году канал был национализирован. И в том же году империалисты Великобритании и Франции при участии Израиля начали интервенцию против Египта. Снова над каналом загрохотали взрывы... Тонули мирные корабли, гибли люди...

...А это — Кильский канал. В конце XIX века империалистическая Германия строила его, рассчитывая, главным образом, вот на что: если война, то по каналу легко и быстро можно перебросить броненосцы из Северного моря в Балтийское. А если нужно, — обратно...

Так каналы в руках капиталистов не раз становились зонами войны...

Придет, конечно, время, когда никаких войн на Земле не будет. Человечество построит еще более грандиозные каналы. И будут они служить только делу мира...

Про зверя Индрика

СКАЗКА

Радий ПОГОДИН

Рисунки
М. Беломлинского

В других городах, может быть, и не так, а в городе Новгороде все иначе. Даже время в городе Новгороде, как заколдованное. Когда скучно, грустно, дождь и слякоть, когда делать нечего — время медленно ползет, будто в гору крутую. Когда игры, забавы, солнце! — время летит стрелой. Побегал, попрыгал, песенку спел, глядь — уже ночь на дворе.

— Ой, не напрыгался!

— Ой, не накувыркался!

— Ой, не хочу...

Ты говоришь — не хочу про это.

Говоришь — сказку давай.

Пожалуйста.

ЗА ВСЕМИ УГЛАМИ СРАЗУ

Однажды, когда жеребенок Миша стирал в реке свою шляпу-панаму с бантиком, а мышонок Терентий свои красные трусики, они

услышали голос прабабушки Агриппины, которая, как обычно, сидела у крепостной стены в тени лопухов и вязала носки.

— Некоторые правнуки, у которых есть все, что нужно художнику, даже клетчатый шарф, бегают по пустырям, а краски их акварельные сохнут на семи ветрах, — ворчала прабабушка Агриппина. — Некоторые правнуки и их товарищи ходят по городу Новгороду и ничего не видят. Они даже не видят, что здесь когда-то давным-давно проживал веселый зверь Индрик. Это же всем видно, кто смотрит внимательно, что в городе Новгороде проживал зверь Индрик.

— Не было Индрика! — выкрикнул мышонок Терентий.

Прабабушка Агриппина подозвала к себе жеребенка Мишу.

— Миша, у моего правнука вздорное настроение. Зверь Индрик действительно проживал в нашем городе. Я была очень маленькая, но хорошо помню, как он весело гонялся за мной.

Белые овечки
Вылезли из печки.
Побежали через мост,
Оторвали кошке хвост.

Этой песенке он меня научил. Он был такой... Он прятался за всеми углами сразу. — Прабабушка Агриппина вытерла глаза платком, попросила Мишу нагнуться и прошептала ему в ухо: — Как было бы хорошо, если бы вам удалось отыскать следы зверя Индрика.

— Как отыщешь, если Индрика этого нет и никогда не было? — говорил мышонок Терентий, когда они с жеребенком Мишей шагали по улице.

На улице было тихо. Пустынно. Ветки рябин сгибались от ягод.

Жеребенок Миша остановился.

— Ты что? — спросил мышонок Терентий.

— Чувствую — там, за углом, кто-то был. Мы, конница, очень далеко чувствуем.

Мышонок Терентий тоже сосредоточился.

— И я чувствую, — прошептал он. — Только я за другим углом чувствую.

Друзья заглянули сначала за один угол. На столбике, торчавшем из тротуара для каких-то технических целей, в трещине клок шерсти застрял.

Пробежавший мимо кудлатый пес, понюхав шерсть, рыкнул:

— Р-ррр... Кошачья...

За другим углом следы лап когтистых.

Пробежавший мимо серьезный пес с глазами, как перед дракой, посмотрел следы, фыркнул:

— Ффф-шрк! Собачьи... Но, где теперь такие собаки?

За третьим углом — царапина на стене. Похоже, козел подтачивал рога. Но если бы в самом деле козел — две царапины были бы.

За четвертым углом — ничего — только смех. Вернее — чувство такое, что кто-то здесь хохотал и хихикал.

— У тебя в голове уже возник образ? — спросил жеребенок Миша.

Терентий хотел сказать, что никакого зверя Индрика нет и не было, но он, как ты знаешь, был честный мышонок.

— Я думаю, лапы у него собачьи. Тело кошачье. Голова козлиная. А на лбу всего один рог.

— Я тоже так думаю. Только не могу вообразить хвост и уши.

— Хвост и уши не самое главное, — сказал мышонок Терентий. — Побежали быстрее ко мне. Нарисуем Индрика на бумаге.

Друзья побежали со всех ног. В таких случаях медлить нельзя, иначе забудешь, какие у Индрика лапы — кошачьи или собачьи. А также сколько у него ушей и рогов.

КЕМЦЫ-ЕМЦЫ, ЛАНЦЫ-ДРАНЦЫ

Рисовать зверя Индрика нужно сразу всего. Иначе не оберешься хлопот.

Мышонок Терентий сначала нарисовал глаза желтым цветом.

Глаза тут же принялись вращаться — тарачиться.

Мышонок Терентий нарисовал голову. Рог на лбу — штопором. Бороду нарисовал. Только наметил рот, как из него высунулся язык и слизнул с палитры зеленую краску.

Индрикова голова гримасничала, хотела сказать что-то, но, как ты знаешь, для разговора одного зеленого языка мало, нужна грудь, полная воздуха.

Мышонок Терентий быстро нарисовал грудь и еще не успел раскрасить ее в кошачий цвет, как зверь Индик завопил во всю мочь:

— Кемцы-емцы! Ланцы-дранцы!

— Это он на старинном языке говорит, — догадался жеребенок Миша.

Индрикова голова дергалась. Рот норовил сжевать кисточку. Язык — лизнуть мышонка Терентия в нос.

— Так не пойдет, — сказал мышонок Терентий. — Нужно приколоть этот язык кнопкой.

— Цынцы-брынцы! — заорал Индик.

— Может, ему почитать что-нибудь, — предложил жеребенок Миша. — Может, он тогда успокоится и позволит дорисовать себя.

Миша нашел на полке книжку старинных стихотворений, поскольку правильно рассудил, что древнему зверю Индику старинные стихи будут понятнее.

— Шла собака через мост, четыре лапы, пятый — хвост, — прочитал Миша.

Зверь Индик тут же все переврал:

— Шла собака через хвост, уронила в речку мост.

— Наши овечки около речки, — прочитал Миша.

— Наши овечки вылезли из печки, — переврал Индик.

— Купи кипу книг, — прочитал Миша.

— Пуки пику кик, — переврал Индик.

Мышонок Терентий попытался все-таки приколоть Индриков язык кнопкой. Но язык так вертелся, что в конце концов мышонок Терентий уколол себе кнопкой ухо.

— Нужно быстрее докрашивать, другого выхода нет, — сказал он. — Миша, рисуй хвост.

Жеребенок Миша нарисовал Индику хвост пушистый. Индик хвостом махнул — стал хвост голый, с кисточкой на конце.

Жеребенок Миша нарисовал Индику уши круглые, но они тут же вытянулись.

Мышонок Терентий спешно докрашивал Индику лапы и туловище. Только докрасил, зверь Индик завопил свои «Кемцы-емцы!» и прыгнул на пол.

Он был такой:

Лапы собачьи.

Тело кошачье.

Голова козлиная.

На лбу рог штопором. Один.

Уши длинные.

Хвост, как у теленка, с кисточкой.

— Ух! Я тебя сейчас съем, — сказал Индрик мышонку Терентию и зачем-то прыгнул в окно.

Если помнишь, мышонок Терентий жил на самом верху самой высокой башни, в избушке-сторожке. Зверь Индрик разбил бы как пить дать, но друзья ухватили его за хвост и втянули обратно.

— Фу-ты, ну-ты — высота! — воскликнул зверь Индрик. — Шла свечка через печку... Где у вас лаз? На волю хочу. — Он проломился в дверь и помчался по лестнице вниз. С хохотом и грохотом.

— Ну чудеса... — прошептали жеребенок Миша и мышонок Терентий.

Вечером того же дня многие новгородские ребята пришли домой с зелеными пятнами на рубашках и платицах. Они объяснили родителям, что их лизнул веселый зверь Индрик, который вдруг появился в Новгороде за всеми углами сразу. «Кемцы-емцы» — клялись ребята. Но родители им не верили.

ПРО ЗВЕРЯ ИНДРИКА И ПОПУГАЕВА ВОВКУ

После специального милиционерского порицательного взгляда, который применил к нему милиционер товарищ Марусин, Попугаев Вовка дома сидел. Обдумывал ошибки своей прошлой жизни.

Слышал Вовка веселые возгласы за окном и смех за всеми углами сразу. Но крепился.

За такую выдержку в поведении подарили Попугаеву Вовке ружье. Игрушечное. Оно очень громко бабахало — привезли его Вовкины шумные родственники из-за границы.

Кто усидит дома с ружьем? Я думаю вряд ли найдется такой крепыш. А ты как считаешь?

Ты говоришь — сказку давай.

Пожалуйста.

НЕТУ ВАС

Попугаев Вовка взял ружье на плечо. Пошел на охоту.

На улице дворник тетя Анфиса бабахать и охотиться не разрешила. Сказала:

— Страх какой! С таким ружьем только в лес ходить.

Пошел Вовка в лес.

По тропинке шагает. Ружье на всякую птичку нацеливает и бабахает.

— Есть! — кричит. — Наповал!

Птички-синички, шеглы и дрозды смотрят на Попугаева Вовку с недоумением. Уж больно щурится по-настоящему. Больно рожи свирепые строит.

Приблизился Вовка Попугаев к густой орешине. Орехи еще не созрели, но вроде кто-то их с другой стороны обирает. Трясется куст.

Подумалось Попугаеву Вовке, что за кустом олень белоногий.

Попугаев Вовка навел ружье. Прищурился.

«Ну, — думает, — прямо в сердце». И бабахнул.

Из куста человек вышел. Небольшой — меньше Вовки. Волосы красные. Сам не молодой — не старый. Вокруг него какое-то кружение и сверкание. Как осиный рой. Но не жужжит угрожающе, а то ли перекликается, то ли песню налаживает.

Вовка бабахнул еще раз, от страха.

— Так и бывает, — сказал человечек. — Ружье — вещь поспешная, можно выстрелить прежде, чем разглядишь — в кого.

— Извините, — сказал Попугаев Вовка. — Мне, наверное, голову напекло. Потому что вас нет, а я вас, представьте себе, вижу перед собой.

— Я как раз так и делаю — стою перед тобой и все тут, — отвечает человечек. — Я стою, как ты видишь, а они шныряют и шмыгают. Они шныри. Познакомься.

Разноцветное сверкание остановилось. Оказалось — тоже маленькие человечки, все разной окраски.

— Чуня, Друня, Шишигуня, Мара, Свара, Макакуня. И Саламандрик, — представил их человечек. — А я мормыш. Меня Свирия зовут.

— Нету вас! — закричал Попугаев Вовка.

Чуня, Друня, Шишигуня, Мара, Свара, Макакуня подошли к Вовке. Каждый по очереди его легонько за волосы подергал. А самый маленький шнырь Саламандрик ущипнул Вовку за нос.

— Все равно нету, — сказал Попугаев Вовка. — Вы мне от жары привиделись.

Ты, я думаю, с Попугаевым Вовкой заодно.

— Что еще за шныри? — скажешь. — Ни мормышей, ни шнырей нету.

Подзабыл ты, что в городе Новгороде всякого чуда много. А в окрестностях и того больше.

Может, когда-нибудь ты побываешь в лесу или в поле под Новгородом и вдруг почувствуешь, — даже вздрогнешь от этого чувства, — будто мимо тебя пролетела красная ласточка. Ветер ее крыла коснулся твоих ресниц, ты невольно сощурился — это шнырь прошмыгнул.

Телевидение его не возьмет. Глаз не тот. Стекланный.

И мормыша телевидение не заметит. Мормыш с чем хочешь сольется. У зеленого встанет — зеленым станет. У желтого — желтым, неразличимым.

Только глаз живой и творящий может их различить.

Мормыш Свирия взял Вовку под руку, вежливо отвел его в тень под дубок:

— Садись, Вова.

Шныри принесли воды из ручья в горсточках. Полили Вовкину голову:

— Не печет?

— Не печет, — сказал Вовка. Хотел добавить: «И все равно нету вас и быть не может».

Шныри ухмылялись разноцветными рожицами. Вовка вздохнул и не сказал этого.

На ветку над Вовкиной головой птица села маленькая — соловей.

— Чего же ты не стреляешь? — спросил мормыш Свирия. — Бабахни — и не будет в лесу соловья.

Тут Попугаев Вовка сразу все понял.

— Ага, — сказал он. — Знаю, к чему вы клоните. Только факт — ружье мое это — игрушечное. Оно понарошку.

— А целишься ты понарошку?

— Ты, когда целишься, что думаешь?

Вовка почесал затылок, решил sluкавить:

— Я, когда целюсь, так думаю: птичка, птичка, покружись над моей головой.

— Ну и врать, — засмеялись шныри. Смех их был переливчатый, как вода по камушкам.

— Ловок, — сказал мормыш Свирия. — Целишься ты и думаешь: наповал. В самое сердце живое. Или тебе, Попугаев Вовка, есть нечего? Или тебе пух-перо нужны для подушки?

— Я больше не буду, — сказал Вовка. — Я только в хищников буду палить.

Хотел Попугаев Вовка заглянуть мормышу Свирию в глаза, мол, поверил или еще сомневается, повернулся к нему, а его нет. И шнырей нет. Только соловей на ветке сидит. Горлышко у него то раздувается, то опадает от смеха.

— Причудилось, — сказал Попугаев Вовка. — От жары и лесного духа. Бабушка говорит, что лесной дух смутный. Мороку на глаза наводит, мысли в голове сплетает и путает.

Взял Вовка ружье на плечо и обратно пошел.

ШЛА СОБАКА ЧЕРЕЗ МОСТ

Озоровал зверь Индрик, озоровал — за всеми углами сразу. Устал.

И захотелось ему в лес пойти.

Выбежал из города — где лес?

Раньше лесу много было. Вековые сосны стояли вплотную к городу. Могучие дубы осеняли большие пространства. Березы-шептуньи шептали: ладушки, ладушки...

Наконец добежал зверь Индрик до леса. Ух, хорошо!

Птицы-синицы его приветствуют, щеглы и овсянки ему песни поют.

Слоняется зверь Индрик меж берез и осин. Дышит лесными ароматными травами. Видит — Вовка идет Попугаев.

Спрятался зверь Индрик в куст. «Ну, — думает, — я этого Вовку сейчас — эх, насмешу».

Когда Попугаев Вовка подошел ближе, выскочил зверь Индрик из куста. Встал на задние лапы и запел:

— Цынцы-брынцы, балалайка...

Оторопел Попугаев Вовка. Отступил даже. Глаза большими стали, как блюдца.

Тут ружье заграничное само Вовке в руки вскочило и бабахнуло.

Удивился зверь Индрик, потому что вдруг слабость почувствовал по всему телу. В голове кружение. В желтых глазах туман. Упал он на сырую землю.

Земля, правда, сухой была. Это в сказках так говорят, когда кто-нибудь помирает.

— Шла собачка через мост... — прошептал зверь Индрик и прямо на глазах стал бледнеть, как бы таять.

Растерялся Попугаев Вовка от такого поворота. Глянул по сторонам. Мормыш Свирия, а также шныри: Чуня, Друня, Шишигуня, Мара, Свара, Макакуня и Саламандрик рядом стоят.

Грустные-грустные.

— А что он?! — закричал Попугаев Вовка.

— А что он? — спросил мормыш Свирия. — Застрелил ты, Попугаев Вовка, веселого зверя Индрика. Долго его в городе Новгороде не было и опять не будет. Кто сделал так, что у дворника тети Анфисы метла ромашками зацвела? Зверь Индрик. Кто всех ребятишек новой игре научил — «Кинешь-поймаешь. Побежишь-догонишь». Зверь Индрик. Ну, озорной он, слов нет...

— Ружье-то игрушечное! — закричал Попугаев Вовка, оправдываясь.

Мормыш Свирия поморщился:

— Сказочного зверя настоящим ружьем не застрелишь — только игрушечным.

Попугаев Вовка трахнул свое заграничное ружье о березу и заплакал.

— Слезами делу не поможешь, — сказали шныри. — Нужно спасать.

— Я не умею, — сказал Попугаев Вовка.

Мормыш Свирия присвистнул даже:

— Спасать еще не умеешь, а стрелять уже научился. Тут один выход — рисовать зверя заново.

Шныри уже шныряли и шмыгали. Собирали по берегу ручья разноцветную глину и разноцветные камушки. Растирали их в мелкую пыль. Смешивали с цветочным медом.

— И рисую я плохо, — захныкал Вовка.

И тут мормыш Свирия сказал слова прямо как не из сказки. Я их переиначивать не стану, а ты приготовься понять.

— Не плохим уродился — плохим вырядился, — сказал мормыш Свирия.

А зверь Индрик таял. И уже просвечивали сквозь его кошачьи бока и собачьи лапы трава и букашки в траве. Еще чуть-чуть и совсем исчезнет веселый зверь Индрик.

Вот тут Попугаев Вовка поступил как мужчина. Вырвал он из своей бедовой головы клочок волос. Шныри кисточку смастерили. Подали Вовке банку с водой. Банок в лесу теперь сколько хочешь — туристы бросают.

Взял Вовка на кисть желтую краску. Нарисовал зверю Индрику глаза. Они тут же принялись вращаться — тарашиться.

Поддел Попугаев Вовка на кисточку зеленую краску. Зверь Индрик язык высунул и слизнул ее. И себе и Вовке лоб и щеки зелеными пятнами запятнал.

Дальше легче пошло.

Подставляет зверь Индрик бока. А Вовка знай красит.

И оба поют вдохновенно.

— Шла собака через мост, — поет зверь Индрик.

— Оторвала кошке хвост, — подпевает Вовка.

Мормыш Свирия, а также шныри: Чуня, Друня, Шишигуня, Мара, Свара, Макакуня и Саламандрик тоже поют:

— Черные овечки
Вылезли из пещки.
Зашумели: «Бу-бу-бу!»
Не проходит дым в трубу».

Жеребенок Миша и мышонок Терентий про эти события ничего не знают. Только удивляются очень. Теперь как встретят они за одним углом зверя Индрика, так и Вовка там Попугаев. Как встретят за другим углом Вовку, значит и зверь Индрик неподалеку. Теперь они неразлучные.

— Цынцы-дрынцы! — поют. — Ланцы-дранцы!

А если вдруг кто увидит на стене Вовкиного дома надпись мелом: «Вовка дурак!», то пусть знает — это не зверь Индрик написал. Это сам Вовка. Он таким образом себя порицает.

Дворник тетя Анфиса стирает Вовкины надписи мокрой тряпкой и думает: «Хоть и озорной Вовка, но все-таки справедливый».

СДЕЛАЙ САМ

ПЕРИСКОП

Перископ — это оптический прибор для наблюдения из

укрытий. Само слово «перископ» происходит от греческого: смотрю вокруг, осматриваю. Сложные оптические перископы используются в танках, подводных лодках. Наш перископ — простейший, так называемый вертикальный.

Он состоит из вертикальной зрительной трубы и двух зеркал, которые установлены точно под углом 45 градусов относительно оси трубы. Сделать его несложно, нужно только точно выполнить чертеж.

Смотри 4-ую стр. обложки

КИНО- ФОТО- ТЕЛЕ- КЛУБ

САБЛЯ РЫЦАРЯ

Недопесок Наполеон III

КИНОФИЛЬМЫ БОРЮТСЯ
ПРОТИВ ФАШИЗМА

НАША АФИША

После боя. Кадр из фильма „Рыцарь Княжгородка“

«Расскажите, пожалуйста, кто снимается в художественных фильмах?»

Дима Матвеев,
г. Воронеж

бой. Столкнулись два человека, до выпрямившись и не сняв маски.

— Почему? — спросил режиссер.

— Он проиграл бой и плачет.

Автор сценария Юрий Лакербай — мастер спорта по фехтованию. Своего героя он высмотрел среди юных спортсменов. Режиссер фильма Вадим Михайлов тоже хороший спортсмен, и на главную роль он решил пригласить не профессионального актера, а спортсмена. Искал он его долго. Однажды в Ленинграде,

Режиссер не поверил. Тогда они подошли к юноше. На глазах фехтовальщика действительно были слезы. Но режиссер увидел воина, у которого в руке была сабля. Чем больше Вадим Михайлов смотрел на парнишку, тем больше тот ему нравился.

Однажды в Ленинграде, в зале для фехтования тренер шепнул ему: «Обратите внимание» — и показал глазами на юношу, который отдыхал гор-

Через три месяца юный фехтовальщик Ваня Суходольский был утвержден на роль Вани в кинофильме «Рыцарь Княжгородка».

С. ИВОЛГИН

сабля рыцаря

Все сразу скажут — актеры! А вот и не всегда.

Звонит сталь, идет яростный

Оформление
Т. Капустиной

НЕДОПЕСОК

Наполеон III

Такое название на киноафише заставит немало подивиться тех, кто не читал повести Юрия Коваля «Недопесок». Ну а тех, кто прочел, обрадует возможностью новой встречи с ее героями: маленьким фантазером Алешей Серпокровым, добрым сельским «колдуном» дя-

дей Карасевым и недопеском — молодым песком по кличке Наполеон III.

Впервые повесть эта была напечатана в «Костре», в 4, 5 и 6-м номерах за 1974 год. Захочется прочесть — разыщите.

В первых титрах фильма его авторы писатель Юрий Коваль и режиссер Эдуард Бочаров объявляют зрителям, что это фильм «о необыкновенных приключениях людей и зверей. С музыкой, песнями и танцами».

И сам фильм тоже необыкновенный — так тесно в нем соседствуют слово и песня, жизнь и фантазия, волшебство и реальность.

Мыслимое ли дело, чтобы меховые шапки, воротники и рукавички превращались в зверюшек?! Но что удивительного в том, что ребятам видится это? Ведь только что, и с большим трудом, им удалось спасти любимца, платинового песца от злого человека, задумавшего сделать из него воротник.

Мыслимое ли дело, чтобы мужичок с ноготок Алеша Серпокрылов, которого еще и на порог школы не пускают, командовал в бою батареями? А он командует и подвиги соверша-

ет. Потому что очень ему этого хочется. И он уже доказал, что умеет достигать цели: вон как он лихо справляется с таблицей умножения, не то что иные первоклассники.

И уж совсем, наверное, никто не поверит, что деревенский мастер на все руки дядя Карасев — колдун. А вот злая тетка, его соседка, — верит. Потому что видит он ее неладные дела и мысли насквозь.

Но все-таки почему это все взрослые в деревне, когда им надо узнать, куда подевались и что делают их ребяташки, спрашивают об этом у дяди Карасева? И ведь всегда получают ответ. Например такой: «Отправились на Северный полюс».

Музыки в «Недопеске» много. А одна из песенок начинается так:

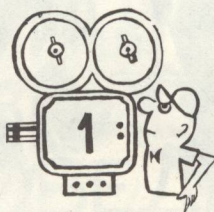
«Давно всем известно и ясно
давно,
Что очень легко создается
кино...»

Режиссер вздыхает и говорит, что про «легко» — это только в песне поется. На самом-то деле, попробуйте удерживать в кадре, да еще заставить выполнить свою актерскую задачу, почуявшего волю молодого песца! С Максимкой Сидоровым, исполнившим роль своего сверстника Алеши, было конечно легче, но, согласитесь, и он — не умудренный опытом профессиональный актер.

М. ЧЕРКАШИНА

Роль Алеши исполняет
Максим Сидоров

КИНОФИЛЬМЫ

Борются против

ФАШИЗМА

БЕССТРАШНЫЙ ЧАПЛИН

Когда Чарли Чаплин начал съемку фильма «Великий диктатор», в котором призывал к борьбе с фашизмом, фашистские организации начали травлю актера. Немецкий консул в Лос-Анжелосе хотел заставить его отказаться от постановки фильма, предлагая компенсацию всех расходов. Японская фашистская организация «Черный дракон» с помощью наемных убийц пыталась его уничтожить. Чаплин нанял

для охраны частных детективов и спешно закончил работу.

Фильм имел огромный успех.

РЕЖИССЕР~ АНТИФАШИСТ

Талантливый итальянский режиссер Лукино Висконти имел с фашизмом личные счеты. Как участник Движения Сопротивления и активный подпольщик он был схвачен, прошел ад пыток. Молчал, был приговорен к смерти. Его не успели казнить. После освобождения Рима друзья вынесли его из тюрьмы на носилках.

— При нацизме, — говорил Висконти, — совершалась резня за резней, совершались массовые убийства...

Свой самый открытый, самый нацеленный и неотразимый удар по фашизму Висконти нанес как художник, когда он под свист и вой неофашистов, снял и показал свой фильм «Гибель богов».

Он показал фашизм с яростной, карающей беспощадностью.

НАША

АГОНИЯ

Режиссер Ленфильма Надежда Кошеверова начала съемку кинофильма «Соловей» по мотивам сказок Андерсена

В этой сказке будет король Эван (артист Юрий Васильев), которому обманщик портной сошьет одежду из несуществующей ткани, заявив при этом, что сшитое из этой удивительной материи платье видеть не может только глупый человек. В сказке есть Генерал-Адмирал (артист Николай Трофимов), у которого на лысине главный механик королевства вместо волос вырастит фиалки; многоопытный, коварный канцлер Краб (Александр Вокач), его враг — великий льстец и интриган, советник Бомс (Зиновий Гердт).

Этот фильм о том, как тщеславие ослепляет человека, а искренность и дружба спасают.

Кадры из фильма „Соловей“

СТРАХ

Сергей ДАВИДОВ

В новый дом принесли щенка, в блюдце налили молока, чтоб от голода не скулил, чтобы мать поскорей забыл.

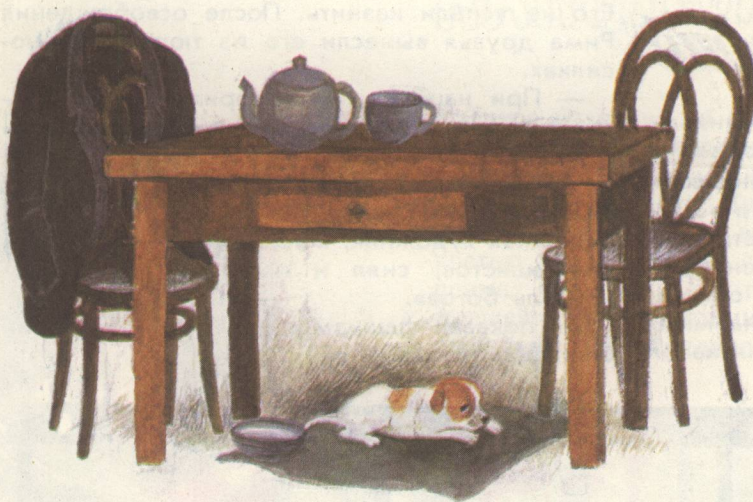
Дом устроили под столом, подстелив шерстяной платок. Ночь настала. Затих весь дом. И остался один щенок.

Спал себе этот дом чужой в темноте богатырским сном. Был щенок еще небольшой и дрожал под своим столом.

Очень страшно было ему... Помню, в детстве, давным-давно, я остался один в доме и вломилась гроза в окно.

Стригли молнии черноту. Через крышу вода текла. Что живу я — в минуту ту понял вдруг... и дрожал тогда. Помню, как меня страх пронзил: хлещут молнии, я стою... Пятый год я на свете жил, с той грозы помню жизнь свою!

Рисунок Ю. Устиновой

Он давал интервью журналам, позировал перед теле- и фотокорреспондентами, щедро дарил автографы и снова давал интервью.

«Победить Стоунза невозможно!», «Стоунз примеряет золотую медаль!», «Стоунз репетирует Олимпиаду!» — мелькали газетные заголовки.

Да, этот американский прыгун в высоту действительно репетировал свое предстоящее выступление на Олимпийских играх.

31 июля 1974 года, выступая на больших соревнованиях он намного опередил соперников и занял первое место.

31 июля 1975 года — у него снова первое место и снова отличный результат.

И вот наконец 31 июля 1976 — олимпийского года. «Считайте, что золотая медаль у меня в кармане», — заявил Дуайт Стоунз за несколько часов до старта на монреальском стадионе.

Но будущего обладателя золотой медали звали не Дуайт Стоунз, а Яцек Вшола!

Яцек не выступал с заявлениями для печати, не давал интервью и не позировал перед фотокорреспондентами. Он просто пришел, увидел, победил!

Но, может быть, Яцеку повезло? Нет, это несерьезный разговор. Давно известно, что в спорте везет только сильнейшим и больше никому. Поэтому давайте лучше говорить о самом главном: как польский спортсмен Яцек Вшола стал чемпионом.

*Sportowe podziwianie dla
młodzieży z klubu "Kuzniecysk".
Jacek Wsioła*

Спортивный привет
воспитанникам клуба
„Кузнечик“. Яцек Вшола

ПРИШЕЛ, УВИДЕЛ, ПОБЕДИЛ!

СПОРТКЛУБ

К своей победе он шел ровно пятнадцать лет. Шел с того самого дня, когда его отец — преподаватель физкультуры Роман Вшола взял четырехлетнего Яцека в секцию юных прыгунов в высоту. И там, на Международной улице, на маленьком школьном стадионе в Варшаве началась его спортивная биография.

Для победы в Монреале ему хватило шести прыжков. В борьбу он вступил, когда планка была установлена на отметке 214 сантиметров. Когда все его соперники уже истратили часть своих сил, преодолевая предыдущие высоты. «Чем позднее начну, тем больше шансов на успех», — решил он еще по дороге на стадион.

Конечно, это была рискованная тактика. Ведь можно, не успев «распрыгаться», споткнуться и на 214 сантиметрах. Но риск — благородное дело. А благородство — в характере Яцека. В этом убедились и тысячи монреальцев, видя, как на пьедестале почета он горячо поздравлял серебряного призера канадца Джона Грегори.

Сегодня чемпион Олимпиады-76 готовится к Олимпиаде-80. В Монреале ему было 19, а в Москве будет 23. В списке олимпийских чемпионов по прыжкам в высоту он сейчас самый молодой.

Ю. КОВЕШНИКОВ

Спортклуб «Кузнечик» продолжает прием юных прыгунов в высоту. Условия приема смотри в «Костре» № 1 за этот год.

Яцек Вшола в момент прыжка

Далеко и близко

Барбара ЛЕВАНДОВСКАЯ

Рисунки
Г. НИКЕЕВА

В далекой и жаркой Африке жила семья обезьян-бабуинов: папа-бабуин, мама-бабуиниха и их сын маленький Инек. И вот однажды в полдень — а надо сказать, что в полдень почти все животные Африки отдыхают — они забрались в тень под большое дерево баобаб. И, когда они там устроились и даже подремали с часок, Инек вдруг спросил:

— Папа и мама, что такое «близко» и что такое «далеко»?

— Мм-мм-м? — переспросил его сквозь сон папа.

— Далеко, это... — начала было мама, но положила сыну на головку свою большую волосатую руку и тоже уснула.

«Им не интересно объяснять мне это, потому что я маленький. Взрослым и большим совсем не интересно с малышами... Все вокруг больше меня, это так плохо!» — решил Инек.

Не успел он так сказать самому себе, как заметил, что на самом краю степи-саванны, — тоже под деревом, но не под большим, а под маленьким, стоит крошечный слоник.

— Вот и отлично, уж он-то не прогонит меня и не заснет, если я его стану о чем-то спрашивать. Может быть, мы даже подружмся! — прошептал Инек, выбрался из-под маминой руки, обошел папу и отправился в путь.

Каково же было его удивление, когда, по мере того как он шел, деревце и слоник все росли и превратились наконец в большое развесистое дерево и огромного слона.

— Я... я... я... видел здесь недавно маленького слоника, — начал было Инек. — Я хотел спросить его, что такое «далеко» и что такое «близко».

— Что за чепуха?! Я стою здесь с утра, никакого слоника тут не было, — ответил

Рисунки А. Орлова

ЗАБЫЛ СООБЩИТЬ...

Однажды известный вам по «Острову сокровищ» Стивенсона доктор Лайвеси едва не сделался академиком!

Дело в том, что он послал в Лондонскую Академию наук письмо:

«Спешу сообщить о необыкновенном медицинском случае. Матрос корабля, на котором я возвращался из Кале в Лондон, упал с мачты и сломал ногу. Я быстро соединил части

ноги, связал их корабельным канатом и полил морской водой. И матрос пошел как ни в чем не бывало».

В академии уже все проголосовали за принятие Лайвеси в академики. Но тут принесли еще одно письмо. Доктор писал: «В спешке я забыл сообщить, что сломанная нога матроса была деревянной».

ПУСТЬ ИГРАЕТ...

Однажды всеми нами любимый Санчо Пансо, будучи гу-

бернатором острова, услышал игру одного волынщика. Тот играл очень плохо, хуже не-

слон. — Тебе все это померещилось. И потом — тоже хорош! — нашел время задавать вопросы... Ну и жара! Уф!

Он тяжело вздохнул и закрыл глаза.

И тогда Инек увидел в стороне еще одно маленькое дерево и под ним маленького жирафа. Он отправился туда, но дерево и жираф, пока он приближался к ним, тоже выросли.

— Э-э, тут что-то не ладно! Наверно, если бы я стоял на месте, они не становились бы большими, — догадался Инек. — Попробуем еще раз.

И он отправился к маленькому страусу, который бродил в тени акаций у самого горизонта. Он уже не удивился, когда страус тоже превратился в большую птицу.

— Откуда ты, малыш? — спросил страус. — Тебе еще рано бродить одному по саванне. Садись на меня верхом. Я недавно видел твоих родителей — они сидели вон там, под тем баобабом. Видишь, каким он кажется маленьким? Это оттого, что он далеко... Держись крепче!

И страус с Инекон на спине побежал по саванне твердым широким шагом. Он бежал так быстро, что не успел Инек опомниться, как они уже стояли невдалеке от баобаба, в ветвях которого беспокойно метались его мать и отец.

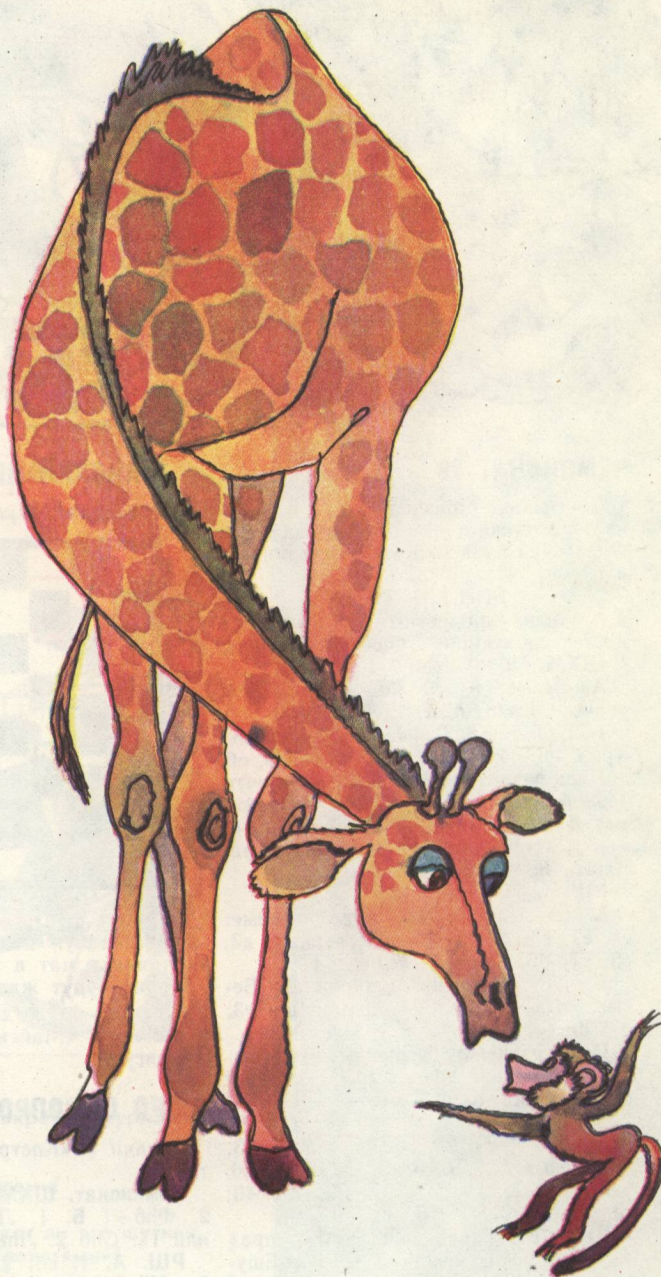
— Прощай, малыш, я не хочу подходить близко — у твоего отца слишком большие зубы. Будь счастлив! — сказал страус и таким же твердым шагом побежал прочь.

— Где ты пропадал? Я так беспокоилась, — сказала мама-бабуниха, слезая с ветки. — Ты наверно голоден, я сейчас наберу тебе сладких корней.

— Сперва он получит от меня хорошую взбучку! — проворчал папа-бабуин. — Малыши не должны уходить далеко от своих родителей. Вот тебе первый подзатыльник... Ты что улыбаешься, чему ты радуешься?

— Я знаю теперь, что такое далеко и что такое близко! — сказал маленький Инек.

Свободный перевод с польского
С. САХАРНОВА

куда, и все его поносили деньгами. Когда у Санчо спросили, зачем он хвалит плохую музыку, он ответил: „Если бы и я, губернатор, ругал его, он мог бы совсем бросить играть. От нечего делать сделался бы вором. А там и убил бы кого-нибудь... Так что уж пускай его лучше плохо играет на волынке...“

Придя домой, он попросил слугу просушить его платье.

Дождь кончился, и слуга повесил платье Тартарена сушиться в саду.

Ночью Тартарен встал напиться воды. Увидев между деревьями тень, он решил, что это воры, схватил ружье и выпалил в сад. Утром он решил посмотреть все-таки, куда это он стрелял? Ощупав свое простреленное платье, Тартарен в ужасе воскликнул: „Подумай только! В этом платье мог бы быть и я сам!“

ПОДУМАТЬ ТОЛЬКО...

Однажды всем известный Тартарен из Тараскона попал под дождь и вымок до нитки.

ЧЕМПИОНАТ-79

Состязание разведчиков Арчебека продолжается! Шахмат-адмирал Ферзьбери приказал всем отправиться в

РЕЙД ПЯТЫЙ, в котором доблестных архебековцев ждут следующие боевые задания. **ШХМ.**

А. Белые: Кра6, Лd3, Cd6, п. d4; черные: Кра8, п. d7.

Б. Белые: Kpd8, Фd1, п. e2; черные: Kpd5, пп. c4, c5, c6, d4, d6, e4, e5, e6.

Цель разведки: А — развеять мечты черного короля о пате и объявить ему мат в 3 хода; Б — найти уязвимые места в крепости черных и заматовать их владыку в 4 хода.

РШ.

А. (Б. Павлов, Волосово). Белые: c1, e1, e3, f2, g1, g3, h4; черные: a3, c5, c7, d6, e5, e7, g7, h6.

Б. (А. Баланюк, Аршировка). Белые: c1, e1, h2, h4; черные: a3, e3, g7, h6.

Цель разведки: выявить, что (выигрыш? ничья? проигрыш?) ожидает белых в задаче А и что — в Б.

МШ.

А. Белые: 21, 23, 24, 27, 29, 30, 33, 34; черные: 7, 8, 9, 10, 12, 13, 17, 18, 26.

Б. Белые: 18, 21, 27, 32, 37, 49; черные: 7, 9, 11, 16, 33, 39.

Цель разведки: определить, прав ли автор этих позиций Семен Ешурин (Ленинград), предсказывающий белым быструю победу.

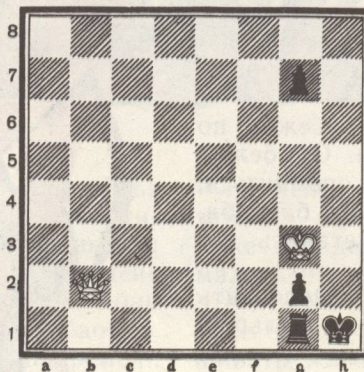
Дополнительная информация для разведчиков МШ: исследуя Б, надо помнить, что побитые шашки снимают с доски только после завершения удара.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь фигуры — белые: Kpf4, Ла2, Ке5; черные: Kpd1, Фd3. Как нужно пойти белым? Поддай им правильную команду!

„МАЙСКИЙ ПРИЗ“

Перед вами трудная позиция.

Кто, атакуя белыми, сможет дать противнику мат в 2 хода?

Троих будут ждать награды.

Писать на отдельных открытках с пометкой «Майский приз». Срок — 15 августа.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 3 решаются так.

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Лg7! Kp:g7 2. Фh6+! **Б.** 1. Лf6! C:f6 2. Kp:f6, или 1... Ch6 2. Лh8+.

РШ. А. 1. e3! 2. c3. 3. g5 4. g3! 5. g5X. **Б.** 1. cb2! 2. b2! 3. fg3! 4. d4X.

МШ. А. 1. 49—43! 2. 48—42 3. 47—41 4. 50—44X. **Б.** 1. 35—30! 2. 37—31X.

Резерву. 1. Cd6! Ф:d6 2. Kf5+.

А теперь — решения задач призового тура («Костер» № 10, 1978 г.)

Шахматы. А. Мат в 4 хода. 1. Са6!

e5 2. Ле2! e4 3. Kpb5. **Б.** В 4 хода —

1. Кс6! Kpd6 (...Кре4 2. Кb4, или...

e4 2. Ке7+) 2. Cf2! Kpd5 (...e4

2. Лd2+) 3. Кb4+. **В.** В 6 ходов —

1. Фb7 Kpg1 2. Фb6+ Kph1 3. Кра2!

g1Ф 4. Сс6+ Фg2+ 5. Фf2! Если же

3... g1Л, то 4. Сс6+Лg2+ 5. Фb2.

Г. В 2 хода — 1. Фh8! **Д.** В 3 хода —

1. Kph2! Kpd1 2. Фd4 1... Kpf1 2. Фd3+, 1... Kpf2 2. Ф:d2+, 1... f3 2. Фе3+. **Е.** Выигрыш — 1. Се6+ g4 2. Cd5! Cc6 3. d7! C:d5 4. d8K! Cb3 5. Ке6 Cc2 6. Ке5 Cg6 7. Kd7 Cc2 8. Kf6 Cg6 9. Kd5.

РШ. А. Выигрыш — 1. g5! 2. hg3! 3. g3X. **Б.** Ничья — 1. b2! g3 2. c3 f2 3. d4 e1 4. dc5! **В.** Лишь ничья — 1. g7 b4! 2. f8 dc3! =. **Г.** Лишь ничья — 1. gf2! 2. cd4 3. b8 h6 4. g5 5. a7 b4 6. d2 b6! =. **Д.** Лишь ничья — 1. d4 (иначе fe5=) ed6! 2. dc5 de5 3. d6 b6! 4. f4 e5! 5. d6 g5 =. **Е.** Выигрыш — 1. f6! 2. b4! 3. h2 4. f8 a5 5. h6!X.

МШ. А. Выигрыш — 1. 45! 39 2. 50! 39—43 3. 28X. **Б.** Лишь ничья — 1. 23! 19 2. 29! 8! =. **В.** Выигрыш — 1. 14 46 (...20; 24!X) 2. 22!X. **Г.** Выигрыш — 1. 3! 2. 14! 3. 41!X. **Д.** Выигрыш — 1. 16—38! 41 2. 47! 46 3. 32! 37 4. 41X. **Е.** Ничья — 1. 11! = (но не 1. 12? 19! 2. 7 25—30 3. 25 30! 4. 34 2X).

ПРИКАЗ № 5

Я, главнокомандующий Арчебеком, приказываю:

§1. Всем архебековцам отослать рапорты по пятому рейду до 15 августа.

§2. Считать, что в конкурсе «Как должен пойти Зайчиков?» («Костер» № 11, 1978 г.) лучшие донесения прислали разведчики Игорь Акаев (Эмба), Игорь Ясененко (Каменка-Бугская), Юлия Сегал (Липецк), Наташа Кравцова (Урицк), Володя Беляев (Ульяновск), Саша Аксенов (Астрахань), Лена Гаврилова (Кустанай), Юра Ананьевский (п. Мегин), Витя Ильин (п. Талдан), М. Емельянов (Свердловск) и другие.

Награждаются (по жребию) Игорь Ясененко, Юлия Сегал, Витя Ильин.

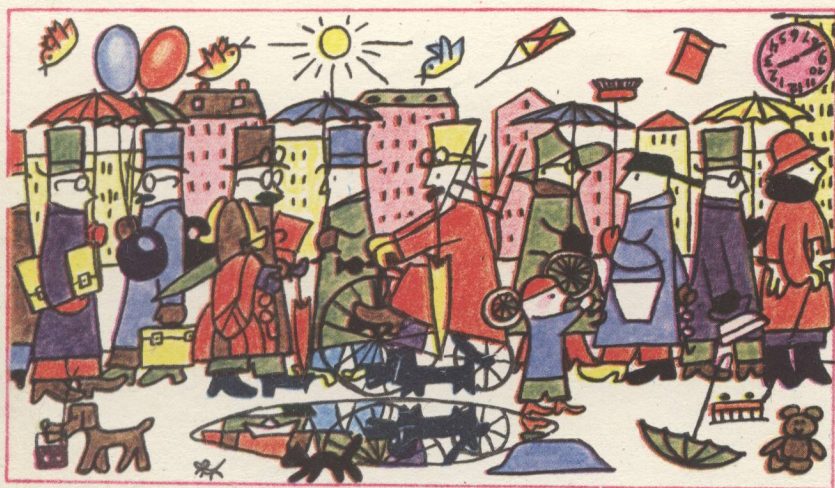
Всем остальным архебековцам, участвовавшим в этом конкурсе, объявить благодарность!

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Географический чайнворд объединяет чайнворды Валерия ЛАЗУТКИНА из поселка Тальменка Алтайского края и Андрея ЛАХТИНА из Свердловска. Он состоит из географических названий, начинающихся и оканчивающихся на букву А, включая названия частей света, стран, городов, рек, гор. По числу клеток между буквами А вам остается определить, какое именно из названий вписать в тот или иной промежуток.

Поглядите на рисунок в течение 30 секунд, затем закройте журнал и ответьте:

1. Сколько на рисунке живых существ?
2. Какие предметы на рисунке перевернуты вверх ногами?
3. Какие предметы изображены более чем три раза?
4. У кого эти предметы имеются явно в избытке? Не тот ли это шутник, который мешает нормальной работе клуба «За семью печатями»?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 4.

Кроссворд. По вертикали: 1. Косуля. 2. Фартук. 3. Стихотворение. 4. Грампластинка. 5. Рацион. 6. Оксана. 16. Клинок. 17. Авария. 19. Атаман. 20. Штатив. По горизонтали: 7. Кобальт. 8. Ромашка. 9. Куст. 10. Схема. 11. Иран. 12. Аляска. 13. Ангара. 14. Овраг. 15. Нектар. 18. Маршак. 21. Липа. 22. Зенит. 23. Агат. 24. Колибри. 25. Кипарис.
Ребус. «Не все коту масленица».
Головоломка. «Руки поборют одного, знание поборет тысячу».
Шутник каждый раз изменяет в имени по одной букве. В 7-й раз он назовется Колей.

В ребусе Юры Жаворонкова из Братска зашифрована пословица.

Составил и оформил
В. УФЛЯНД

СОДЕРЖАНИЕ

Важное поручение рассказ Г. Маликовой	1
Барабан журнал юнкоров	6
Часовые Красной Пресни очерк В. Минаевой	10
К 30-летию Германской Демократической Республики конкурс-викторина	12
На целинных ветрах повесть Г. Черногостиной	14
Повар Лена очерк Л. Смагиной и А. Гостомыслова	24
Поездка в Угленец очерк Г. Князева	26
Что значит быть правофланговым?	28
Три минуты войны из архива военного фотокорреспондента	30
Морская газета	32
Они придут в цех очерк Л. Потаповой	34
Мы смотрим в мир	36
Про зверя Индрика сказка Р. Погодина	37
Кинофототелеклуб	42
Стихи С. Давыдова	44
Спортклуб «Кузнечик»	45
Далеко и близко сказка Б. Левандовской	46
Арчбек шахматы и шашки, отдел ведет заслуженный тренер СССР Ю. П. Барский	48

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
В. И. МАТВИЕНКО,
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
Т. Н. ФЕДОРОВА (зам. редактора),
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор Г. М. МАЛИКОВА

Рукописи и фотографии не возвращаются
Адрес редакции: 193015, Ленинград,
Таврическая, 37, телефон 274-93-84

М-10031. Сдано в набор 05.02.79. Подписано к печати 27.03.79. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 6. Усл.-печ. л. 6. Уч.-изд. л. 6.8. Печать офсетная. Тираж 641 000 экз. Заказ 3767. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, П-101, ул. Мира, 3.

